

МАКСИМ БУЙКО

НеГерой

Повесть
о маленьком
человеке

Максим Буйко
НеГерой. Повесть
о маленьком человеке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42673252

ISBN 9785449690388

Аннотация

Как быть, когда вместо любви – брак, вместо большой цели – маленькая квартирka в новостройке, а вместо мечты – лишь тоска о несбывшемся? Как быть, если неожиданно уволили, на работу не устроиться, а ипотеку и автокредит вскоре нечем будет платить? Как быть, когда тридцать три года уже позади, а настоящая жизнь как будто и не начиналась? Что делать? Искать ответы в прошлом? Менять настоящее? Надеяться на будущее? Он – НеГерой. У него – свой путь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	39
Глава 3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	95

НеГерой
Повесть о маленьком
человеке

Максим Буйко

Редактор Мария Дмитриевна Чернышенко

© Максим Буйко, 2019

ISBN 978-5-4496-9038-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Новость о его увольнении разнеслась мгновенно.

Матвей шел по коридору в бухгалтерию, чтобы подписать обходной лист, и в глазах встречавшихся, теперь уже бывших коллег, он видел жалость.

Его жалели.

После расчета к Матвею по очереди подходили сотрудники. Говорили что-то ободряющее, напутствующее. Пожимали руку. Приглашали заходить на чай.

Это было похоже на гражданскую панихиду. Такие же пустые лица, подернутые налетом скорби по ушедшему. Такие же напыщенные и никому не нужные слова.

Двое не подошли – Роман Кудрявцев и Женя Шубин – его коллеги по отделу и соратники по корпоративной борьбе.

Их оставили. Уволили одного Матвея.

– Знаешь, я тебе даже завидую. Немного... – неожиданно призналась Оксана, юрист компании.

– Ты намеки руководству, чтобы знали, кого следующим увольнять, – нехотя пошутил Матвей.

– Я не тебе в принципе, я вообще всем завидую... Ну, тем, кто уходит, – пояснила она. – У тебя впереди что-то новенькое: новая работа, новые люди.

– Заявление напиши – и вперед, к новым людям, – съязвил Матвей.

– Мне и тут хорошо. В принципе... – задумчиво ответила Оксана.

Она была порывистой, участливой и справедливой. И совершенно непохожей на человека, который зарабатывает, жонглируя законами.

Иногда ее можно было встретить в коридоре, где она быстро ходила взад-вперед и что-то бормотала себе под нос. На вопрос «что делаешь?» она смущалась, краснела и убежала. Матвею казалось, что она пишет стихи.

Как-то на корпоративе Матвей разговорился с Оксаной.

Алкоголь – нехитрая отмычка, чтобы открыть в женщине потайную дверцу, за которой часто скрываются скелеты прошлых глупостей и тени бывших мужчин. Если подойти к делу с умом, то влитое в собеседницу спиртное выльется непрерывным потоком историй. Главное в этот момент – остаться равнодушным к обильным брызгам эмоций и вовремя осаживать пену кипящих чувств.

Оксана выпила вина. Сначала смеялась, потом загрустила. С негодованием рассказала о неудачной попытке договориться с начальником.

– Я ему предложила выгодную сделку, – громко и горячо говорила она, глядя на Матвея блестящими, большими и уже слегка шалыми глазами. – Представляешь, я ему сказала: «Дайте мне выходные в солнечные дни, а все пасмурные – я буду работать».

– Не понял, – признался Матвей.

– Ну как? – разгорячилась она. – Что непонятного? В Питере примерно семьдесят солнечных дней в году. А по календарю – у нас около ста выходных. Я бы работала больше за те же деньги. Выгодно, а он отказал.

– Почему?

– Говорит, вдруг вся неделя солнечной будет, а у нас претензия или иск?

– А тебе-то зачем выходные в солнечные дни? – спросил Матвей. – Отдыхай, как все люди, в субботу, воскресенье...

– Неужели не понимаешь? – Оксана с недоумением и жалостью посмотрела на Матвея. – Это же солнце... И так везде одна серость. Хоть какая-то радость.

– В солярий сходи.

– Ладно, – она опять задумалась, отпила из бокала и неожиданно поделилась впечатлениями о недавнем свидании.

– Понимаешь, он сказал, что хочет мной обладать.

– Что, так сразу? – поинтересовался Матвей.

– Ну, не сразу. Мы посидели, выпили кофе. Я что-то съела: пудинг или штрудель. Кстати, знаешь, чем они отличаются?

– Не очень, – признался Матвей.

– Я тоже не очень. Так вот, а потом он заявил: «Хочу тобой обладать!»

– А ты? – спросил Матвей.

– А я ответила: «Почему ты считаешь, что, засунув в жен-

щину двадцать сантиметров плоти, ты можешь ею обладать?»

– Ну а он?

– Он покраснел и сказал, что не в сантиметрах, вообще-то, счастье. На том и разошлись.

– Да уж... И много у тебя встреч было? Подобных? – поинтересовался Матвей.

– Сто, может быть, сто пятьдесят. Это сейчас называется – мэтчи. Я бы назвала – матчи.

– Потому что игра идет вничью? – Матвей улыбнулся случайной шутке.

– Потому что после этих встреч материться хочется...

Оксана была красивой и одинокой. Мужчины часто избегают красивых женщин, но не потому, что боятся. Красивой женщине придется соответствовать: что-то предпринимать, тратить силы, энергию... А если завтра война?

– Ты не торопись, – продолжила Оксана. – Отдохни, подумай. В музей сходи, на выставку. Работа не волк...

– У меня – ипотека. И автокредит не выплачен. А банки – хуже волков. Те еще шакалы... Вцепятся и обглодают до костей, — поделился переживаниями Матвей. – Думай не думай – отдохнуть не получится...

Оксана внимательно посмотрела на него и улыбнулась:

– Ладно, счастливо тебе. Хорошо устроиться...

Она ушла. Матвей посмотрел ей вслед. Подумал, что, даже не видя лица, можно определить, красивая женщина

или не очень. Красивая всегда идет уверенно, как хозяйка. Некрасивая – робко, словно гостья.

Пора было уходить и Матвею. Он огляделся, чтобы понять, с кем еще не попрощался. Бывшие коллеги уже «переварили» утреннюю новость и готовились подкрепиться чем-то более сытным. Некоторые доставали ланч-боксы; менее запасливые собирались в кафе.

Шубин с Кудрявцевым так и не подошли. Они сидели, сторбившись, ссутулившись, напряженно вглядываясь в мониторы. Внешне совсем непохожие, они почти зеркально повторяли движения друг друга. Двигая мышку, бездумно водили курсором по экрану. Иногда что-то медленно и нехотя набирали на клавиатуре.

Матвей подошел сам. Молча пожал руку Шубину, потом – Кудрявцеву. Матвей не злился на бывших коллег. Просто говорить стало уже не о чем. Они не были виноваты, что Матвей уволили, а их – нет.

И вдруг Матвей понял: Шубину и Кудрявцеву очень хотелось, чтобы он поскорее ушел. Вместе с Матвеем ушло бы чувство вины, которое, видимо, их всё-таки тяготило. Осталась бы только маленькая, но острая радость, которую обычно испытывают, если неприятности случаются с другими.

На улице шумел и переливался свежий весенний день. В такие дни приятно начинать новую жизнь.

Матвей вышел из бизнес-центра. Обернулся. Вгляделся в здание, в людей, кутивших у входа.

И окончательно понял: его уволили. Навсегда.

Это случилось так быстро, неожиданно и сразу, что только теперь Матвей до конца осознал, что произошло. Он почувствовал, как где-то в области желудка возник плотный комок, который за несколько секунд вырос до размера футбольного мяча и тяжело сдвинул его внутренности. Потом что-то мелко и противно запульсировало в подвздошь. Матвей сглотнул и почувствовал, как волна дрожи, а за ней – жара пробежали по телу.

Теперь всё пойдет по-другому. Он опять начнет рассылать резюме, писать объемные сопроводительные письма и ждать приглашений на собеседования. Будет робко заглядывать в кабинет HR-ра и вымученно улыбаться. Станет энергичным, коммуникабельным и креативным, демонстрируя на собеседовании все отсутствующие у него качества и таланты.

Когда Матвей был маленьким, он боялся темноты, ремня, которым его хлестали родители, и школьного хулигана Шлыкова. Потом боялся не поступить в институт, а когда поступил – боялся завалить очередную сессию или не сдать госэкзамены.

Матвей становился старше, и его страхи выросли вместе с ним. В последние годы Матвей боялся заболеть раком, просрочить оплату кредитов и очень боялся перемен.

Говорят, что страхи сбываются, но это не так. С людьми случается то, что должно случиться. Страхи помогают под-

готовиться, чтобы успеть что-то изменить.

Матвей не успел. На банковской карточке лежал месячный оклад, с которого нужно было еще внести ежемесячные платежи по ипотеке и автокредиту. Накоплений не было, сбережений – тоже. Прожить на зарплату жены было так же фантастично, как вырастить помидоры на асфальте.

Матвей глубоко вздохнул, и ему стало легче. Спазм внутри ослабел и уже не был таким каменным, как несколько минут назад.

Парковка бизнес-центра начиналась сразу у входа. Автомобили приехавших пораньше сотрудников гордо и стройно занимали размеченные места, с неодобрением упираясь фарами в бока машин, прижавшихся к ним вторым рядом. Кое-где над плоскими седанами надменно возвышались черные, с острыми гранями, джипы – огромные и неприступные, как скалы.

Надо было ехать домой. В Кудрово...

Санкт-Петербург – это не только Нева, каналы, дворцы и сотни исторических зданий. Как и в любом городе, в Питере полно мест, где просто выстроены дома. Кудрово – как раз такое место.

Навигатор в смартфоне механически-заботливо предупредил о пробке. Спешить было некуда. Чтобы заглушить тревожные мысли, Матвей включил музыку и прибавил громкость...

На детской площадке у дома было шумно, весело и безза-

ботно. Малыши, одетые в разноцветные пухлые куртки, карабкались на горку, возились в еще сыром песке и радостно орали.

Большинство парковочных мест было свободно. Таким свой двор Матвей видел редко. Обычно, приезжая поздно вечером, он делал по несколько кругов, чтобы хоть куда-то втиснуть машину. Забито было всё: двор, подъезды к дому и даже небольшая площадка у мусорных баков.

Ранней весной кто-то на внедорожнике нагло влезал и на газон, оставляя после себя глубокие следы во влажной подтаявшей земле. Колеи заполнялись водой, превращались в ямы и глубокие лужи. Газон быстро стал похож на разбитую проселочную дорогу.

Жильцы возмущались, писали записки и оставляли их на лобовом стекле внедорожника. Несколько мужчин хотели серьезно поговорить с хозяином, но застать его у машины не удавалось. Собиралась даже инициативная группа, члены которой планировали обойти квартиры и выяснить, чей это джип. Дом был новым, соседи почти не знали друг друга.

Этого не понадобилось. Однажды ночью кто-то взгромоздил на капот внедорожника старый, с желтыми подтеками унитаз, который прижимал плакат с надписью: «Приз за лучшую парковку». Соседи смеялись и дружно фотографировали инсталляцию. Хозяин в тот день так и не появился. Унитаз стоял на внедорожнике, как символ неминуемого возмездия. На следующее утро на газоне не было ни внедорожника,

ни унитаза.

Матвей не понял, зачем хозяин внедорожника увез с собой унитаз. Вряд ли он его просто выбросил. Скорее всего, в отместку тоже плюхнул кому-нибудь на капот, чтобы заглушить обиду. Способ, конечно, сомнительный, но действенный. Отяжеляет совесть, зато облегчает душу.

Полгода назад, осенью, когда Матвей с женой купили квартиру, их новый, едва построенный дом был свежим и чистым. Кнопки современного лифта непривычно блестяли. Оштукатуренные стены на лестничных площадках были девственно нетронутыми.

– Хочется, чтобы всегда так было, – сказала Матвею жена, когда они въезжали.

Грузчики носили мебель и вещи. Матвей с супругой заботливо и немного подхалимски придерживали им двери.

– «Так» – это как? – спросил Матвей.

– Так, как сейчас. Чисто, аккуратно. Ни окурков, ни нацарапанных пошлостей. И без выжженных пятен, – ответила жена.

– Будет, – заверил Матвей. – Только недолго...

До этого они жили в старой девятиэтажке. Изгаженный лифт часто не работал. Когда он со скрипом всё-таки раздвигал узкие двери, взгляду открывались однообразные черные надписи и сожженные, искрошившиеся кнопки с неразличимыми цифрами. Слоганы рекламных постеров были грубо подредактированы неизвестными авторами.

Скромной площадью лифта неизвестные авторы не ограничивались и регулярно оставляли свои автографы на изранных стенах и несвежих потолках лестничных площадок. Обнаружив очередное безобразие, Матвей злился, но недолго.

Злость сменялась стыдом. Подростком Матвей тоже жег стены спичками и выцарапывал гвоздем похабные слова. Это был его тайный протест против обнаруженной в самый разгар пубертата несправедливости.

Сколько себя помнил, Матвей всегда получал наставления. Со всех сторон строгие дяди и тети учили его, что нужно быть добрым, говорить правду и слушаться родителей. Позже оказалось, что эти же дяди и тети постоянно врут, злятся и никого не слушают, кроме себя.

Взрослые налагали строжайшие запреты на алкоголь, сигареты, мат и ночные прогулки. Причем сами поголовно курили, выпивали, матерились и гуляли, сколько хотели.

Это было страшно несправедливо.

Протестуя, Матвей приклеивал к потолку обслюнявленные горящие спички, которые выжигали на побелке крупные черные пятна. И толстым гвоздем он вспарывал штукатурку, покрытую зеленой краской, и оставлял на стенах подслушанные у взрослых матюги...

Матвей припарковался. Привычно мелькнула опасливая мысль, не занял ли он чужое место. Такой просчет вполне мог бы стоить пары проколотых колес, либо утром можно

было обнаружить мешок мусора на капоте.

Во дворе девятиэтажки, где они жили раньше, такие случаи были привычным делом. Покупая квартиру, Матвей наивно надеялся, что переезд избавит его от парковочных проблем.

Но увы. Глупо было думать, что в новом доме люди начнут жить как-то по-новому: без ссор и споров, без отчаянно-безрассудного желания вырвать и захватить несколько дополнительных квадратных метров...

На скамейке у дома сидел Серега. Серега-блогер. Так Матвей в шутку называл его после того, как Серега с женой побывал у него в гостях.

Серега был первым, с кем Матвей познакомился в новом доме.

В день переезда Матвей ждал во дворе машину с мебелью и вещами. Машина задерживалась. Матвей звонил водителю, но тот неизменно отвечал, что стоит в пробке.

Матвей нервничал, потому что согласился на почасовую оплату рейса. Он поглядывал на часы и высчитывал, на сколько дороже обойдется переезд, если машина опоздает еще на час-полтора.

Худой светловолосый парень примерно тридцати пяти лет стоял во дворе недалеко от Матвея и, видимо, тоже чего-то ждал. Они встретились взглядом. Парень подошел к Матвею.

– Приветствую! – он улыбнулся и первым протянул руку. – Заселяетесь? В какую квартиру?

– В шестьдесят вторую, – машинально ответил Матвей. – А что?

– С новыми соседями знакомлюсь, – опять улыбнулся парень. – Серега. Сам неделю как переехал.

Он так и представился: не Сергей, а именно – Серега.

– Матвей, – и они еще раз пожали друг другу руки.

– Имя у тебя редкое, – Серега сразу перешел на «ты». – Не слышал такого раньше.

– Слышал, – сухо ответил Матвей. – Просто не встречал.

Разговаривать ему не хотелось. Машины не было. Бюджет на переезд увеличивался с каждой минутой. Но новый знакомый явно не собирался быстро свернуть общение.

Серега ловко и складно, словно пересказывая выученный текст, рассказал Матвею, что недавно продал бабушкину квартиру, чтобы наконец-то купить свою. Разница при покупке получилась приличная, но после ремонта денег почти не осталось, поэтому запланированный отпуск под угрозой отмены. Сообщил, что трудится мастером на фабрике и каждый день ездит на работу в пригород, но дорога не напрягает, потому что без пробок и «против шерсти». В общем, вытряхнул на Матвея целый ворох банальностей, которыми обмениваются при знакомстве, чтобы ничего не говорить о себе.

Но тут подъехала машина с вещами, и грузчики начали таскать мебель. Серега где-то поддержал, что-то вовремя подхватил, пошутил с водителем и стал Матвею приятен.

Немного поколебавшись, Матвей пригласил нового соседа вместе с супругой на новоселье.

Жену Матвея звали Яна. У нее была другая фамилия: он – Туманов, она – Аверьянова. Еще до свадьбы Яна сказала, что хочет остаться Аверьяновой. Сейчас модно не брать фамилию мужа.

– Разводиться будет легче, – пошутила тогда Яна. – Не придется менять фамилию.

– Можно и при разводе не менять, – резонно возразил Матвей.

– Дорогой, женщине носить фамилию бывшего мужа – всё равно что сделать татуировку на лбу: каждый день будет видеть и жалеть об ошибке молодости.

Матвей не стал спорить. Только одну женщину он когда-то хотел получить целиком... И не было в то время для него ничего важнее желания безраздельно владеть ее чувствами и мыслями, проникнуть в ее мечты, сны и даже воспоминания...

Но, к сожалению, такие женщины никогда не становятся женами. Точнее, становятся, но – чужими...

Матвей подошел к Сереге. Они поздоровались.

– У тебя сегодня что, выходной? – равнодушно спросил сосед.

– Нет, – про увольнение Матвей решил пока умолчать. – Уехал пораньше – дела. А у тебя?

– Так у меня посменка, два через два. Я ж тебе говорил.

Сегодня-завтра курю, потом – опять арбайтен, – мрачно ответил Серега.

Он действительно закурил. Поджег сигарету и, слегка наклонив голову, уставился куда-то вниз. Серега затягивался глубоко; кончик сигареты вспыхивал; загорающийся табак потрескивал, выбрасывая небольшие искры. Матвей понял, что сосед чем-то расстроен...

На следующий день после знакомства Серега с женой пришел к Матвею домой праздновать новоселье. Серегину жену звали Анфиса. Гости принесли с собой небольшой вафельный торт и две бутылки недорогого вина.

Когда Серега и Анфиса вошли в квартиру, Матвей сразу понял, кто из них главный в семье. Анфиса была молодой темноволосой женщиной, на вид тридцати трех – тридцати пяти лет, но при этом крупной, мощной и уже слегка переспелой. Лицо ее было приятным, симпатичным и ухоженным, только глаза смотрели оценивающе, немного настороженно и хитровато. Одетая она была в какое-то яркое, оранжево-красное, хорошо сидевшее на ней платье, явно не дешевое или сшитое на заказ. На ее фоне Серега – худой светловолосый, в зеленых джинсах и светлой футболке, был похож на гладиолус, случайно высаженный рядом с пышным кустом роз.

Серега вытащил из пакета принесенное вино. Стоявшие на столе бутылки тихо звякнули, потеснившись, и приняли подруг в компанию.

Все быстро перезнакомились и сели за стол. Яна приготовила какой-то хитрый салат и запекла мясо с кусочками апельсина. Она любила экспериментировать, причем рецепты изобретала сама, а не брала из кулинарных книг или с сайтов. Порой получалось плохо и невкусно, иногда вообще несъедобно. Каждый ужин был, словно лотерея, в которой Матвей довольно часто проигрывал...

Нередко застолье начинается с уверенности, что алкоголя на столе слишком много. Потом, в разгар веселья, приходит отчетливое и неоспоримое понимание, что его катастрофически мало. А наутро среди обломков надуманных идей, которые еще вчера казались такими свежими, острыми и даже гениальными, найдется лишь одна трезвая мысль – мучительная, как похмельная головная боль: количество выпитого так и не перешло в качество...

– Ну, за новоселье! – поднял бокал Серега. – Пусть в этом доме, как говорится, и стены помогают, и любит дорогая!..

Он хотел еще что-то добавить, но Анфиса перебила его:

– Главное, чтоб достаток был, – она посмотрела на Серегу, – стены не помогут, если сам себе не поможешь.

– Это точно, – согласилась Яна.

Бокалы опустели. Хозяйева и гости закусили и выпили снова. Потом еще. Словно хотели поскорее достичь того уровня доверия, когда чужой и малознакомый человек становится близким, понятным, почти родным. Алкоголь незаменим в таких случаях.

«Приготовлено невкусно, но сгодится на закуску», –ковыряясь в тарелке, подумал Матвей. И решил запомнить шутку, чтобы озвучить при случае Яне. Он уже начал уставать от ее экспериментов...

Матвей не был голоден, но упорно закусывал; он знал, если пренебречь этим простым правилом, частые залпы алкогольной батареи могут сразить его наповал.

Вино коварно. Водка, виски или джин бьют в голову резко, как профессиональный боксер: хук справа, хук слева, два прямых, и жертва уже в салате. Вино плавно и почти незаметно, словно

мастер-дзюдоист, обхватывает за ноги, за руки, пригибает голову и вдруг – неожиданно бросает об стол, а порой – сразу на пол...

Вновь наполняя бокалы, Матвей немного пролил на скатерть: несмотря на меры предосторожности, прицельную точность движений сохранить не удалось. Беседа текла плавно, подпитываясь общими темами. Но самая актуальная обычно спрятана на дне совсем не первой и даже не второй бутылки.

Ему было интересно, как изменятся гости, когда спиртное внезапно разомкнет оковы приличия. Предвкушая что-то новенькое, Матвей щедро разливал вино, старательно недоливая себе.

Как поведет себя жена, Матвей представлял: Яна опьянеет незаметно, интеллигентно и спокойно. Потом что-нибудь

обязательно уронит, неловко рассмеется и суетливо бросится поднимать упавший предмет. До конца посиделок больше не притронется к алкоголю и будет аккуратно пить сок.

Лишь однажды Яна разошлась. Совсем неожиданно...

Тогда они устроили себе романтические выходные в небольшом отеле, на первом этаже которого располагалась сауна с бассейном. Вечером, прихватив с собой вина, супруги направились туда, чтобы как следует погреться, поплавать и отдохнуть.

В помещении, где находилась сауна, висела такая густая и плотная атмосфера разврата, что прямо с порога хотелось вести себя разнузданно и непристойно. Глубокие кожаные кресла похотливо лоснились, словно призывая расположиться на них в замысловатых эротических позах. Бассейн маслянисто поблескивал и сулил погружение в бездонные глубины сладострастия.

Они выпили, погрелись в сауне, немного поплавали, и вдруг Яна сняла с себя купальник и начала плескаться нагишом. Раньше она не любила раздеваться где-либо, кроме супружеской спальни. Матвей с удивлением наблюдал, что нагота жены начала доставлять ей явное удовольствие. Сначала она быстро плавала и странно улыбалась, переворачиваясь то на живот, то на спину. Потом запрыгала на месте, смеясь и откидывая мокрые волосы назад. И он видел, как ее небольшая грудь то погружается в воду, то вылетает из нее, влажно сияя.

Взбудораженный невиданным зрелищем, Матвей поплыл к Яне для продолжения, но она неожиданно отстранилась, вылезла, надела купальник и ушла в сауну. Разыгравшаяся фантазия повлекла Матвея за ней, однако Яна опять твердо отклонила его притязания и сказала, что готова только в номере, а в сауне – категорически не будет...

Анфиса не отрывала угрюмо-тяжелого взгляда от мужа, и Матвей понял, что Серега опьянел. Анфиса же казалась гораздо трезвей остальных, хотя пила наравне со всеми, не пропуская ни единого тоста.

Серега раскраснелся, говорил громко, иногда смеялся невпопад, когда Матвей так же невпопад пытался острить. Разошедшийся сосед бурно жестикулировал, порой задевая стоявшие на столе бутылки, которые с удивительной точностью подхватывала Анфиса.

Несмотря на осторожность виноупотребления, финал Матвея неотвратимо приближался. Он понимал, что еще немного, и всё вокруг начнет расплываться, раскачиваться, и скоро ему будет трудно понять, что и зачем происходит. Еще немного, и он не сможет говорить связно, и слова начнут сами вываливаться у него изо рта, не дожидаясь, пока он соберет их в стройные и понятные предложения. Еще пару бокалов – и он уже начнет злиться оттого, что наконец-то понял что-то очень важное, и захочет поделиться со всеми, и будет пытаться рассказывать, но никто не будет слушать: каждый начнет перебивать, говорить что-то свое, и Матвей

потеряет эту сверхважную мысль, и от этого он разозлится еще сильнее...

Матвей не очень хорошо помнил, когда Серега заговорил о благах. Вроде бы они заканчивали третью бутылку и уже обменялись длинными эпопеями покупки квартир, слегка приукрашенными историями создания семей, и одинаковыми оллинклюзивными впечатлениями от горящих путевок. После чего перешли, наконец, от прошлого к настоящему. И к будущему.

Да, наверное, это была третья бутылка. Мечты о близком и, конечно, прекрасном будущем обычно приходят, когда спиртного, которого сначала было так много, а оказалось так мало, уже почти нет.

Анфиса и Яна незаметно обменялись неуловимыми женскими сигналами и уже окидывали мужчин строгими взглядами контролеров метро. Серега, немного запинаясь, но всё равно достаточно складно, рассказывал о своей работе на конвейере, когда начинал трудиться на фабрике простым рабочим.

– Двенадцать часов как робот, – громко и возмущенно повторял Серега. – И всего шесть действий... Я специально посчитал: повернулся, нагнулся, взял, разогнулся, повернулся, положил. Музыка слушать – нельзя, остановиться – нельзя, посидеть – нельзя. Сходить покурить – тоже нельзя. Как робот – раз, два, три, четыре, пять, шесть.

Серега встал и медленно продемонстрировал шесть отра-

ботанных движений.

– А что за фабрика? – поинтересовалась Яна, – с советских времен осталась, наверное?

– Да вот хрен там было! Совместная немецко-финско-датская, что ли, – ответил Серега, глотнул из бокала и продолжил:

– Адова работа! Два перерыва по пятнадцать минут, и аля: опять херачить.

Анфиса толкнула Серегу в плечо.

– Не матерись! – рассерженно сказала она. – Сейчас домой пойдем.

– А платили как? – спросил Матвей.

– Платили нормально, только... – сосед вздохнул.

– Я сначала каждый день у станка думал, думал... Шесть движений – маловато, чтоб голову занять. А потом, через пару месяцев, уже ни о чем и думать не мог. Как отупел. Шесть движений – и ни одной мысли. Голова стала пустая, как кастрюля, – признался Серега.

– Может, и правда, что извилины выпрямляются, если башкой не работать... – грустно добавил он.

Матвей давно понял: чтобы узнать человека, надо дать ему возможность помечтать вслух. Мечты расскажут гораздо больше, чем поступки. Поступок можно совершить случайно, не задумываясь, вдруг. А случайной мечты – не бывает...

– Допустим, Серег, появились у тебя деньги. Много, но до конца жизни не хватит. На фабрике работать больше

не надо. И чем займешься? – спросил Матвей.

Все уже были вполне пьяны для того, чтобы говорить откровенно, но еще достаточно трезвы, чтобы понимать друг друга.

К удивлению Матвея, первой отреагировала Анфиса.

– Я бы дело свое открыла. Сразу, – сказала она.

– А сейчас, если не секрет, кем работаешь? – поинтересовался Матвей.

– Гипермаркет стройтоваров «Молоток». Завотделом, – пояснила та.

Матвей улыбнулся накатившим воспоминаниям. Но рассказывать о своем прошлом пока не стал. Слишком увлекательная начиналась тема.

– И какой бизнес хочешь?

– Зоомагазин. Корма и всякие клетки, подстилки для собак, кошек, свинок. Для всей этой живности домашней.

– Животных любишь? – Матвей с опаской взглянул на собеседницу, ожидая, что польется неконтролируемый поток женской нежности к питомцам, часто приторный до невозможности.

– Нет, не люблю! – неожиданно ответила та. – Сергей предлагал уже: «Давай собаку заведем». Я ему сразу сказала: «Или я, или собака».

Серега посмотрел на Анфису. Его размягченное алкоголем лицо напряглось, глаза сузились, губы сжались. Он явно хотел что-то сказать, но вместо этого залпом выпил вина.

И потянулся к бутылке, чтобы вновь наполнить бокал.

«Серге такие условия, пожалуй, лучше не ставить, – подумал Матвей. – Иначе когда-нибудь он выберет собаку».

– Не люблю я животных, не люблю! – продолжила Анфиса. – Ухаживать еще за ними... И так времени нет. На себя и то не хватает.

– Тогда почему зоомагазин? Я читала, бизнес должен вырасти из хобби. Чтобы заниматься тем, что любишь, – подключилась молчавшая Яна.

– А я деньги люблю, – вызывающе сказала Анфиса, – мне любой бизнес подойдет. Лишь бы прибыльным был.

– Если деньги любишь, можно в банк устроиться кассиром, – пошутил Матвей. – Много деньжищ в руках будет. Каждый день. Правда, чужих, но это мелочи. При такой-то любви...

По взгляду Анфисы Матвей понял, что шутка ей не понравилась. Но она промолчала.

– Анфис, ну почему всё-таки зоомагазин? – с улыбкой спросила Яна.

– Потому что помешался народ на животных, – слегка раздраженно ответила Анфиса, – на собаках особенно. Везде с собой таскают, целуют, облизывают. Каждый день вижу. Если женщина дорогой паркет покупает или плитку, обязательно в сумке собака будет сидеть. Как их... маленькие такие, всегда трясутся?

– Тойтерьер, – опять улыбнулась Яна.

– Тойтерьер, точно. У меня подруга в парикмахерской для собак работает. Переучилась. Человеческим парикмахером копейки зарабатывала, и весь день – на ногах. А собачьим – чуть ли не вдесятеро больше. И комфортно, говорит, и чисто, и посидеть можно, когда стрижешь-моешь, и работы – в разы меньше. Пока людей стригла, она себе Турцию позволить не могла. Начала собак обрабатывать, так теперь между Мальдивами и Сейшелами выбирает... куда себя, любимую, отвезти.

– Так вот, – продолжала Анфиса, – наслушалась подруга в салоне этом собачьем, сколько люди на корма и всякие добавки тратят. Одна маленькая шавка в месяц сжирает больше, чем обычная семья. А вы спрашиваете, почему зоомагазин? Хороший бизнес. Да и вообще – я с людьми работать умею. Давно хочу свое дело. Надоело на дядю спину гнуть.

– Животных многие держат, – согласилась Яна, – кто для детей, а кто – вместо. Детей нет, а любить кого-то надо.

Яна высказала эту мысль очень трезво и практично. К тому времени она уже переключилась на сок. Матвея всегда удивлял ее талант – Яна умела быть рядом, но не вместе.

– А я блоги хочу писать, – неожиданно заявил Серега. – Блогером быть.

Все удивленно уставились на него.

– Опять начал про свои блоги... – в голосе Анфисы слышались ирония и явное превосходство.

Она снисходительно и насмешливо посмотрела на мужа.

Именно так взрослые смотрят на десятилетнего ребенка, который заявляет, что точно будет космонавтом.

– Как поддаст, так заводит... старые песни о главном – блоги, видите ли, писать хочет, – продолжила Анфиса, откинувшись на

стуле. – Тоже мне, писатель.

– Так блоги – это же просто. Бери и пиши, – с легким удивлением заметила Яна.

– У меня даже подружка пишет, про кулинарию, – продолжила она, – я читаю иногда. Интересно. Секретами делится, фотки выкладывает, в общем, всё как положено. Почти каждый день.

Матвей с недоумением посмотрел на жену. Он первый раз слышал о какой-то подружке-блогерше. Так вот откуда Яна брала все эти невозможные рецепты.

– Ничего вы не понимаете, – Серега словно протрезвел, когда заговорили о нем, – это кажется, что просто. Надо так писать, чтоб людям читать хотелось. На блогах и зарабатывать можно. Между прочим, некоторые миллионы зарабатывают.

– Меня друган подсадил, Антоха, – увлеченно продолжил он, – кинул раз ссылку, мол, почитай, как люди живут. А там – блог бизнесмена какого-то, миллионера, не рублевого. Вот он пишет: как развлекается, как отдыхает. Клубы, тачки, девочки – короче – гламур и всё такое. Я его читал, читал, потом нашел еще несколько. Интересно: бывает, так

завернут – черного от белого не отличить. Антоха тоже писать пробовал. Но его читать не стали, он и бросил, – Серега махнул рукой.

– А ты о каком гламуре писать собрался? – спросила Анфиса, неприязненно глядя на мужа. – О фабрике своей? Или у тебя тоже – клубы и девочки? Со всей страной поделиться хочешь? Миллионером для начала стань... Хотя бы и рублевым.

Серега смерил Анфису взглядом, но опять ничего не ответил. Его лицо было спокойным и неподвижным. Матвей не понимал, почему Серега не осадит жену.

– Я думал, ты технарь, – признался Матвей, – а ты вон куда метишь. В блогеры. Знаю. Модно сейчас.

– Технарь написать не может, что ли? – удивился Серега. – Я и сказать нормально могу... Как выпиваем с мужиками, все тосты с меня. Еще пристают потом: «Серег, давай, изобрази что-нибудь прикольное».

– Не понимаете вы, – повторил Серега и по очереди посмотрел на Матвея и Яну. Потом опять на Матвея. На Анфису он смотреть избегал, словно супруги не было в комнате.

– Писать – можно, написать – сложно, – Серега слегка улыбнулся случайной рифме.

И заговорил серьезно и грустно:

– Я пробовал, не выходит. В голове вроде всё есть: рассказать – могу, а написать – не получается. Да и некогда. Утром – на работу, вечером – с работы... Голова чугунная.

Как тут напишешь? Особенно толковое что-то...

Сергеа замолчал и задумался. Наверное, о том, что некогда – страшное слово. Почти такое же страшное, как никогда.

– Так вы же, – в голову Матвею пришла забавная мысль, – недавно квартиру продали. Вам бы на всё хватило. Тебе, Анфис, – на зоомагазин, а Сереге – на блоги.

Анфиса с недоумением посмотрела на него.

– Мы же ту квартиру продали, чтобы эту купить, – обстоятельно, как ребенку, объяснила она Матвею.

– Могли не покупать, – возразил Матвей, – занялись бы, чем хотите: магазином... блогами. Заработали, потом бы и купили.

– Ну ты даешь, – удивилась Анфиса, – то магазин, а то квартира. Сравнил. А жить где? Да и какие блоги... Чушь собачья, только время убивать.

Она грозно посмотрела на мужа.

– Зато... каждый из вас мечту бы исполнил, – тихо заметила Яна.

– Ну вы же магазин открывать не стали, тоже квартиру купили, – с едва уловимым раздражением ответила Анфиса.

– Не стали, – согласилась Яна. – А может, и зря, что не стали. Только мы об этом не думали. У нас мечты нет.

Яна посмотрела на Матвея и продолжила:

– У нас – программа: сначала машина, за ней – квартира. Ипотеку выплатим, потом, наверное, на дачу копить будем...

– Ну почему же нет, – возразил Матвей. – Есть у меня

мечта. И у тебя тоже. Даже знаю, какая.

– Может быть... – задумчиво произнесла Яна. – Только знаешь, что странно: и у Сергея с Анфисой, и у нас с тобой мечты почему-то – необщие...

После этого разговор быстро увял. Серега с Анфисой посидели еще немного и ушли к себе.

Позже Матвей не раз сталкивался с Серегой в подъезде. Они здоровались. Для поддержания беседы одинаково негодовали, что неугомонные соседи продолжают чуть ли не круглосуточно сверлить свои стены, а заодно – чужие мозги; спрашивали друг у друга, как дела, и, услышав дежурное «всё нормально», удовлетворенно расходились.

Матвей сел на скамейку рядом с Серегой. Сосед выкурил сигарету и тут же вытащил из пачки следующую.

– Что с тобой? – осторожно спросил Матвей. Совместно выпитые три литра вина уже позволяли задать такой деликатный вопрос.

– Анфиска, блин, – Серега явно хотел выматериться, но удержался, – достала: подай ей Мальдивы, и всё тут.

– Я ей говорю, – мрачно продолжал он, – денег осталось мало после ремонта. Какие Мальдивы? Давай в Египет или уж на крайний случай в Таиланд.

– А она? – поинтересовался Матвей.

– Заладила: «У меня с тобой вся жизнь – сплошной Египет. Вон мои подруги: кто из Доминиканы не вылезает, кто фотки Сейшел „ВКонтакте“ выкладывает. Я чем хуже? Возь-

ми кредит, и поедем на Мальдивы. Хоть раз в жизни надо побывать».

– А я ей говорю, – Серега повернулся к Матвею, – если у нас денег меньше, так это еще не значит, что мы хуже. Подруги твои могут себе позволить, а мы не можем. Чего за ними гнаться? Всё равно не догоним – масштабы не те.

– Подруги реально богатые? – спросил Матвей.

– Одна – да, а про вторую Анфиска рассказывала, – ответил Серега.

– Которая собак стрижет? – догадался Матвей.

– Она. А первая замуж удачно вышла. У мужа – сеть ресторанов. Ну и денег немерено.

Серега всё-таки выматерился. Похоже, не выдержал.

– Анфиска как увидит фотки подруги своей богатой, так аж белеет вся. Та, конечно, живет, путешествует. На фотках – яхты, вулканы. Я давно жене сказал: «Отключи на хрен и не смотри!» Скоро с ума сойдут со своим «ВКонтакте».

– Я ж говорил ей, – Серега продолжал вытряхивать на Матвея осколки семейных ссор, – какой кредит? Если у нас сейчас денег нет, откуда они потом возьмутся? Как отдавать будем? Нет, говорит, бери, и всё тут. Как-нибудь отдадим.

Серега махнул рукой.

– Ладно, надо идти, – сказал он, вставая.

– За кредитом? – некстати пошутил Матвей.

Серега посмотрел на него, вздохнул и вошел в подъезд.

Наверное, двинулся продолжать борьбу. Всё-таки деньги – самое малое из того, что может сгореть в ледяном пламени женского тщеславия.

Поднялся и Матвей. Пока они разговаривали, тучи затянули небо. Двор, окруженный новыми многоэтажками, в пасмурную погоду становился темным, холодным и неуютным. Соседние дома угрюмо нависали над газоном и детской площадкой и были похожи на высокие крепостные стены, преграждающие путь в большой светлый мир.

Матвей вошел в подъезд. Лифт всё не ехал и не ехал, но Матвей терпеливо ждал. Квартира была на пятнадцатом этаже, поэтому за вспышку справедливого гнева и подъем по лестнице пришлось бы расплачиваться долгой одышкой и болью в ногах. Матвею не хотелось лишний раз убеждать себя, что сидячая работа окончательно превратила его в тяжелую статую – в памятник человеку, который забыл, что такое спорт.

Еще до покупки Яна настаивала, чтобы квартира была на одном из верхних этажей. Она хотела, чтобы из окон, как было написано в рекламном буклете, «открывался прекрасный вид на окружающие окрестности».

Вид, действительно, открывался, но Яна быстро забыла про него. Да и Матвей останавливался у окна только для того, чтобы взглянуть на термометр, закрепленный со стороны улицы на оконной раме. Уныло однообразные ландшафты городской окраины были ему давно безразличны.

Лифт приехал. Матвей вошел в кабину и машинально нажал на кнопку с цифрой «15». Пока лифт неторопливо поднимал его на личную высоту, Матвей ощутил посасывание в желудке. По офисному графику время обеда уже закончилось.

Есть ему не хотелось, но желудок недовольно урчал, требуя наполнения. Матвей чувствовал себя непривычно и странно: он уже дома, а впереди – еще почти полдня. И можно не только плюхнуться перед телевизором в надежде, что навязчивые мысли о работе будут, наконец, вытеснены резкими выкриками героев ток-шоу и обрывочными новостями, но и сделать что-нибудь еще.

Однако Матвей пока не знал, что именно. Он всегда приходил с работы поздно вечером. Придавленный плотным ужином к дивану Матвей едва успевал полистать каналы телевизора. На что-то большее не было ни желания, ни сил.

Матвей открыл холодильник и увидел кастрюлю с супом. Крышка на ней была перевернута ручкой вниз. Кастрюля была высокая и не помещалась вместе с крышкой на полку холодильника – мешала ручка. Яна всегда переворачивала крышку ручкой вниз. Если супа в кастрюле было много, ручка слегка погружалась в него. Снимая крышку, Матвей пачкал пальцы в холодном супе.

Его это злило. Он просил Яну ставить в холодильник кастрюлю без крышки. Но она от упрямства или по забывчивости всё равно делала по-своему. Один только вид кастрюли

с перевернутой крышкой раздражал Матвея. Порой, открывая холодильник и видя эту злосчастную кастрюлю, он с ходу грубил жене.

Мало-помалу Матвей разлюбил супы. Его злило и раздражало даже то, что Яна вообще их варила. И всё из-за этой чертовой крышки...

Однако больше ничего готового в холодильнике не было. Только суп, сваренный на неделю вперед.

Яна всегда варила суп в воскресенье – большую кастрюлю, чтобы хватило на несколько дней. Однако при этом она каждый вечер готовила ужин. Матвей сначала думал, что Яна варит суп как НЗ, чтобы была хоть какая-то еда на случай ее очередного поражения в борьбе за гастрономические идеалы.

Когда Матвей окончательно разлюбил супы, он сказал об этом жене, ожидая, что она перестанет их варить. Яна не перестала. По-прежнему каждое воскресенье она водружала очередную кастрюлю на полку холодильника. Матвей не понимал, зачем жена это делает. Чаще всего они вообще не притрагивались к супу, и Яна выливала его в конце недели.

Однажды в воскресенье Яна стояла у холодильника, который, хищно приоткрыв дверцу, готов был поглотить очередную кастрюлю свежесваренного супа. Сунув ее в застывшие недра, Яна удовлетворенно вздохнула и гордо посмотрела на мужа.

И вдруг Матвей понял: кастрюля с супом была для Яны символом стабильности семейной жизни. Это был ее личный вклад в нерушимость семейных уз, маленький обелиск, воздвигнутый в знак верности стандартным семейным ценностям.

На всякий случай Матвей внимательно осмотрел все полки холодильника, но больше ничего подходящего не обнаружил. Мысль приготовить что-нибудь самому он быстро отогнал. За восемь лет брака Матвей разучился даже нормально жарить яичницу.

Ему уже не раз приходило в голову, что страх одиночества держит гораздо крепче любви, а неумение готовить и стирать привязывает к женщине сильнее, чем совместное прошлое и общее настоящее.

Матвей вспомнил знакомого своего отца, Андрея Николаевича. Его жену однажды положили на операцию. Андрей Николаевич звонил ей в больницу, чтобы узнать, где в их квартире помойное ведро. Они прожили вместе около сорока лет. Когда Матвей узнал об этом, он понял, что союз таких людей – нерушим. Браки, скрепленные неумением и нежеланием, вечны.

Снимая крышку, Матвей испачкал пальцы в холодном супе и ощутил привычное раздражение. Он налил суп в тарелку, сунул ее в микроволновку и включил на разогрев.

Тревога не ушла и скрывалась где-то совсем рядом. Рутинными движениями Матвею удавалось ее отогнать, но он

знал: стоит ему остановиться, она вернется и начнет рисовать картины мрачного будущего.

«Всё к лучшему, – успокаивал он себя, – сколько бы я там ни сидел – яйцо б не высидел. Надо меняться. Двигаться куда-то...»

Матвей лукавил. Ему было страшно, потому что он ничего толком не умел. Всё, чему научился Матвей за свои тридцать три года, – это вовремя говорить нужные слова и писать ненужные письма; ловко уворачиваться от конкретных задач и раскладывать на столе бумаги так, что казалось – он по уши загружен работой; моментально переключать окна браузера и за секунду менять фривольный развлекательный сайт на строгий интерфейс корпоративной почты.

Еще Матвей мог писать отчеты. Красивые отчеты с диаграммами и графиками. Однако с реальностью они соотносились примерно так же, как прогноз погоды по телевизору и за окном.

Но так было не всегда. Когда-то он был активным и быстрым. Хватался за любую возможность узнать что-то новое. Стремился решать проблемы нестандартно и креативно. Хотел расти карьерно и профессионально. Жаждал новых целей и перспектив.

Микроволновка засигналила, оповещая о завершении разогрева.

Матвей вытащил тарелку, сунул в суп ложку. Помешал его, обнажая скрытые картофельные утесы и разгоняя дрей-

фующие островки коричневой фасоли. И вдруг вспомнил, как начинался его путь во взрослую жизнь.

Глава 2

После школы Матвей собирался поступать на юридический факультет СПбГУ. Одноклассники на переменах важно перебирали названия знаменитых вузов. Чаще всего звучали московские – МГУ и МГИМО и питерские – СПбГУ и Финэк. Матвей не хотел отставать от других и гордо называл СПбГУ. Диплом престижного вуза казался бессрочным пропуском в успешную сытую жизнь.

Послешкольная реальность безжалостно перечеркнула планы Матвея. Конкурс в СПбГУ был такой, что без глубоких знаний или солидных денег нечего было и пытаться стать студентом.

За десять школьных лет знаний Матвей не накопил. А его родители – не накопили денег. Они жили скромно. Это была та самая скромность, которая издали почти неотличима от бедности.

В качестве компромисса родители предложили Матвею подать документы в малоизвестный вуз, название которого состояло из нескольких трудновыговариваемых аббревиатур. Совсем не то, что он хотел, но зато – бесплатно и рядом с домом. Матвей немного подумал и согласился.

И поступил.

Просто не было альтернативы. Платить за учебу родители не могли. Остаться со скромным школьным аттестатом, ко-

гда одноклассники начнут пятилетний забег за дипломами, было стыдно и страшно. Что делать, если вдруг не поступит, совершенно непонятно. Оставался один выход – поступить. Не так уж редко страх поражения становится фундаментом достижений.

Учиться было просто, особенно если ничего не делать. Матвею запомнилось, как с первых дней преподаватели монотонно читали лекции и снисходительно разглядывали первокурсников на семинарах, с профессиональной точностью выявляя потенциальных оболтусов.

Разочарованный школьными результатами, Матвей решил в институте серьезно взяться за учебу и блистать на курсе исключительно пятерками.

И, действительно, сначала он учился. Дословно записывал лекции, расплачиваясь за это тем, что конспекты получались почти нечитаемыми. Готовился к семинарам, с трудом разбирая свой почерк. От и до выполнял домашние задания.

Порой приходилось брать тетради с конспектами у сокурсниц. Каким-то образом они умудрялись записать то же самое, что и он, но при этом понятно и разборчиво. Женщины умеют совершать маленькие бытовые подвиги.

Надолго его не хватило. Увы, в дополнение к аттестату Матвей вынес из школы еще и неумение и нежелание учиться, и этот скверный багаж стал первым препятствием на пути к новой мечте о красном дипломе, повышенной стипендии и славе лучшего студента курса.

Не добавляли рвения к учебе и скучные, неинтересные предметы, которые вылетали из головы сразу же после отметки в зачетке, и, главное, программа их курса, настолько устаревшая, что даже от учебников несло затхлостью.

А потом вообще стало не до учебы. Девушек на курсе было значительно больше, чем парней. Осмотревшись, Матвей мысленно разделил сокурсниц на три группы: обычные, симпатичные и красивые. Последних было немного, в основном преобладали симпатичные. Из них ему больше всех понравилась Оля.

Она была длинноволосой, пухленькой и веселой. Приветливо улыбалась Матвею, когда тот обращался к ней с каким-нибудь вопросом. Не протестовала, если Матвей садился рядом на лекциях. Вежливо посмеивалась его неуклюжим шуткам.

Как-то после занятий Матвей проводил ее до метро. И, ощущая, как дрожат и сжимаются внутренности, пригласил на свидание.

Они несколько раз встречались по вечерам. Матвей с удивлением обнаружил, что Оля не умеет целоваться, и начал лихо обучать ее первому подростковому таинству. Оля не догадывалась, что весь предыдущий опыт Матвея базировался всего на одном «гаражном» поцелуе. Обучение она приняла благосклонно, и даже с некоторой готовностью. Однако дальше дело не пошло. Руки Матвея, искавшие большего, сразу же непреклонно отстранялись. В эти неловкие

моменты они как будто менялись местами, и Ольга казалась старше и опытнее его.

Матвей не останавливался, был терпелив и настойчив. Однако Оля оставалась верна себе. Его это не обижало. Напротив, ее неприступность казалась Матвею признаком правильной девушки. Неправильную Риту, которая полгода назад была для него бесстыдно доступна, он старался не вспоминать.

Но вдруг всё изменилось: их встречи неожиданно прекратились. Однажды Матвей увидел, как Оля идет за руку с их однокурсником, Егором. В юношеской системе координат это была бесспорная измена.

Матвей не стал объясняться с Олей и тем более драться с Егором. Драться он ненавидел с детства. А девушек на курсе было еще много. Обнадеженный низкой конкуренцией, Матвей просто перестал приглашать Олю на вечерние прогулки, а в институте вел себя так, словно они не были знакомы.

Оля легко и без сожаления продолжила встречаться с Егором. «Наверстывает, – неприязненно подумал Матвей, – до меня точно никого не было... И целоваться не умела... Ну и пусть».

Воодушевленный легкой победой, Егор заважничал, видимо, ожидая, что Оля так же легко согласится и на желанное продолжение. Однако спустя несколько недель по его обескураженному лицу Матвей понял, что Егор наткнулся на та-

кую же непробиваемую оборону.

Существует теория, что в каждом человеке есть черты какого-нибудь животного. Если это так, то Оля однозначно была кроликом – мягким, забавным, веселым и бесполезным: гладить можно сколько угодно, но приручить не удавалось.

Оставшись без пары, Матвей начал выбирать новый объект для ухаживаний.

Сокурсница Алина была девушкой стройной и хрупкой. Происходила из интеллигентной семьи, кажется, врачей. Держалась она просто, часто была задумчивой и тихой.

Единственное, что немного ее портило, – это отсутствие приятных женских округлостей. Брюки беспомощно висели на ее ягодицах, не находя опоры. Лифчик не поддерживал грудь, а лишь скромно обозначал неочевидное ее расположение.

У нее были правильные черты лица и светлые волосы. Карие глаза и аккуратный, ровный носик. Легкий прозрачный пушок над верхней губой и чистый взгляд. Красота Алины была понятна, как таблица умножения.

А еще – в Алине была какая-то тайна. С однокурсниками она общалась ровно и дружелюбно, но немного отстраненно, как со случайными попутчиками. Мало рассказывала о себе и никогда не расспрашивала собеседника. Матвей не мог понять, что это – сдержанность или замаскированное равнодушие. Казалось, она знает что-то, что неизвестно остальным.

К началу первого курса Матвею удалось немного поху-

деть. Но отражение в зеркале продолжало вызывать у него приступы раздражения и недовольства: на Матвея обиженно смотрел невысокий коренастый парень с тонкими руками и ногами, сутулившийся под грузом лишнего веса. В юности обаяние свежести часто заменяет красоту. Но даже этот обыденный подарок судьбы был для Матвея недоступен.

Его круглое лицо было напрочь лишено мужественности. Порой Матвею казалось, что ему разом достались все невосребованные черты. Иначе как в одном месте могли оказаться пухлые женские губы, длинный нос, круглые щеки и невнятный подбородок? И всё это венчал высокий лоб, переходивший в пышную шевелюру.

Однако недолгая, но всё-таки победа над симпатичной Олей окрылила его. Теперь Матвею нужна была только красивая девушка. Ведь ценность женской красоты еще и в том, что она преображает и мужчину, который рядом.

Однажды Матвей и Алина шли вместе из института. Еще встречаясь с Олей, он отработал навыки, как деликатно проводить девушку. Матвей боялся женских отказов, потому что в юности получал их слишком много. Его способ позволял спокойно и без ненужных переживаний идти рядом. Достаточно было сказать: «Нам по пути».

Алина жила где-то на Гражданке. В институт ездила на метро. От института до метро было километра три – полчаса спокойной прогулки. За это время Матвей решил выяснить свои перспективы, если они есть. Или узнать, что нуж-

но сделать для того, чтобы они появились.

– Как тебе Мадерин? – спросил он Алину.

Дмитрий Сергеевич Мадерин заведовал кафедрой истории и очень выделялся из числа других преподавателей. Он был крупным, мощным и уже немного обрюзгшим мужчиной лет пятидесяти с голосом под стать внешности: гулким и громыхающим.

Мадерин любил жестикулировать обеими руками. Не стеснялся использовать на лекциях сочные бранные эпитеты. Порой был саркастичен до грубости. Часто употреблял резкие метафоры собственного сочинения. Студенты-старшекурсники хранили целые тетради его особенно ярких перлов и передавали их младшекурсникам для продолжения. На тетрадях крупными буквами писали «Мадернизмы». Сокурсников, которые прилежно вели записи, продолжая традиции, в шутку называли «летописцы».

У Мадерина была странность: он очень не любил иностранные имена, особенно женские. Эту нелюбовь он переносил на обладательниц неславянских имен. Нескольким сокурсницам Матвея пришлось несладко. Сюзанна, Артемида, Виталина и даже Мальвина – да, у них на курсе была девушка и с таким именем – уходили с лекций Мадерина чуть ли не в слезах. Доставалось и Алине, но меньше. Может быть, помогала ее красота. А может, невозмутимость. Алина – единственная не нервничала и не переживала, когда Мадерин заводил очередную тираду.

– Как можно было назвать девочку Сюзанной? – гремел Мадерин с кафедры.

Сюзанна съеживалась и опускала голову. После разгромной перепалки в начале года, когда Мадерин одержал убедительную победу над студентами и в качестве приза устроил общий опрос, в результате которого почти весь курс получил двойки, спорить с ним уже никто не решался.

– Что это за имя – Сюзанна? – громко продолжал он. – Давайте разберемся. У русского человека имя должно быть русским. Ты русская, Сюзанна? – обращался он к девушке.

– Русская, – тихо отвечала Сюзанна.

– Прекрасно. И где же ты видела имя Сюзанна среди русских имен? Где? Я тебя спрашиваю! Русские имена – это Вера, Ольга, Людмила, Светлана. Сюзанна – имя нерусское. Неславянское. Не наше. Зачем тебе нерусское имя, Сюзанна?

Та молчала.

– Скажи мне, Сюзанна, – не унимался Мадерин, – у тебя есть карандаш?

– Есть, – грустно отвечала Сюзанна. Наверное, она была готова отдать все карандаши мира лишь бы он замолчал. Но Мадерин успокаивался небыстро.

– Покажи! – требовал он.

Сюзанна неохотно показывала карандаш.

– А теперь скажи нам, Сюзанна, что у тебя в руке? – вдруг задавал Мадерин простой вопрос таким тоном, что все по-

нимали – сейчас начнется самое интересное. Те, кто по привычке дремал, – просыпались; вечно списывающие – откладывали конспекты. А летописцы – открывали тетради и ждали очередных «модернизмов».

– Карандаш, – тихо отвечала Сюзанна.

– Правильно, карандаш, – соглашался Мадерин. – А почему ты назвала его «карандаш»? Почему не «пенсил»? Почему не «бляйштифт»? Почему именно «карандаш»?

Сюзанна молчала, упорно глядя на карандаш, зажатый в руке.

– А я тебе объясню, почему: предметы в России должны называться по-русски. И люди в России тоже должны называться по-русски. А не Сюзаннами.

Мадерин делал убедительную паузу и продолжал:

– Называй вещи своими словами, а людей – своими именами. Своими, то есть нашими. Понятно?

Сюзанна каменела и молча кивала. Летописцы дружно записывали «Называй вещи своими словами...»

Мадерин никогда не травил одну и ту же девушку две лекции подряд. Словно по невидимому расписанию, в следующий раз он распекал другую носительницу иностранного имени. Перебрав по очереди всех несчастных обладательниц неславянских имен, Мадерин начинал сначала, и так по кругу, не стесняясь в эпитетах и выражениях.

Сюзанне, Виталине и Мальвине доставалось больше всех. Артемида была девушкой легкомысленной и на лекциях по-

являлась нечасто. Когда доходила очередь до Алины, Мадерин смягчался, утрачивал свою язвительную остроту и разгромную речь произносил тише, спокойнее и даже как-то уважительнее.

Матвей спросил Алину про Мадерина, втайне рассчитывая, что она начнет возмущаться. Недовольство объединяет недовольных. Он был уверен, что после обсуждения мадеринских выходок они с Алиной станут немного ближе.

– Нравится, – ответила Алина и с улыбкой взглянула на Матвея. – Остроумный.

Такого ответа Матвей не ожидал. Все на курсе дружно возмущались выходками Мадерина. Однако, наблюдая за однокурсниками, Матвей видел, что многим нравилось слушать, как преподаватель гнобит «иностранных» – так из года в год традиционно называли его жертв.

На переменах сокурсники дружно сочувствовали «иностранкам». Но было немало тех, кто с нетерпением ждал продолжения. Кстати, посещаемость мадеринских лекций была чуть ли не стопроцентной.

Как и все, Матвей смеялся, когда Дмитрий Сергеевич выдавал очередные «мадернизмы». Но еще – ему было немного жаль девушек, совсем не виноватых в том, что родители выбрали им неславянские имена. Матвей недоумевал, почему взрослый образованный мужчина не понимает такой простой вещи.

– Люблю его слушать, – продолжала Алина, – особенно

про «иностранок».

– Не обижаешься, когда он и про тебя начинает? – удивился Матвей.

– Не про меня, а про имя, – легко возразила Алина. – Нет, не обижаюсь. Это же его мнение. Но есть и другие.

– Мне нравится, что он высказывается уверенно. Твердо. Когда мужчина говорит таким тоном, смысл уже не важен, – серьезно сказала она.

Матвей не понимал ее. Ему казалось, Алина шутит. Как может нравиться человек, который постоянно унижает всех, кто не соответствует его ожиданиям.

– Да, он грубый, – так же серьезно продолжала Алина, – но он мне нравится.

– Мало кто говорит то, что думает. Все хотят подстроиться, – она искоса посмотрела на Матвея.

Тот с обидой принял это на свой счет. Может быть, не стоило говорить ей, что им по пути... Нужно было сразу сказать «Хочу тебя проводить». Наверное, она уже знала, что Матвей живет совсем рядом с институтом...

Он понял, что эта тема их не сблизит, и перевел разговор. Начал аккуратно расспрашивать Алину про ее занятия, вкусы, увлечения. Тогда Матвей был уверен, что можно понравиться девушке, если делать то, что нравится ей.

Алина негромко, слегка улыбаясь, рассказала ему про дорогие клубы, где бывала. Про взрослых обеспеченных мужчин, которые часто с ней знакомились. Про своих друзей –

детей из богатых семей, в компании которых проводила время.

Матвей шел рядом с Алиной. Совсем близко. Но после всего, что он услышал, она показалась ему далекой и недосягаемой. Как ведущая новостных программ на экране телевизора.

Вместе с грустью пришло понимание, что они из разных миров. Судя по всему, в мире Алины было достаточно денег. В мире Матвея денег почти не было.

Он понял, что в ее мире деньги существовали в немалых количествах, тратились легко, манерно и непринужденно. В его мире – зарабатывались с трудом и расходовались только на самое необходимое.

Матвей почувствовал стыд. Поддержать этот разговор он не мог. Рассказывать о дорогих клубах и ресторанах ему было нечего – он никогда не бывал в таких местах.

С Олей было проще. Матвей часами разглагольствовал о выдуманных похождениях, пытаясь выглядеть смелым и бесшабашным. Гордо бравировал невероятными историями, участником которых он якобы являлся. Повторить этот трюк с Алиной было так же неуместно, как прийти в театр в нижнем белье.

Матвей почувствовал себя скверно. Он впервые столкнулся с миром, где было спокойно и благополучно. Где ничего не знали о поездках зайцем в трамваях, чтобы сэкономить на мороженое. Где не надо было делать мучительный выбор –

купить килограмм поношенной одежды в секунд-хенде или одни новые брюки.

Алина продолжала рассказывать про знакомых мужчин. Все они были существенно старше ее. О каждом из них она негромко, но деловито сообщала одни и те же факты: где познакомились, в каких ресторанах бывали и какая у него машина.

Слушая Алину, Матвей с удивлением понял, что в ее мире деньги не были ценностью. Наличие у человека достаточного количества средств воспринималось как абсолютно естественное достоинство. Причем такое же обязательное и неотъемлемое, как, например, вежливость.

Матвею было неловко и неудобно. При общении с Олей обычно говорил он и старался делать это развязно и громко, чтобы понравиться. А Оля улыбалась и кивала, уместно помалкивая. Скромно вставляла несколько слов, если вдруг ненадолго иссякал водопад выдуманных историй.

А в тот день Матвей шел рядом с Алиной и молчал; иногда выдавливал «угу», соглашаясь. Он растерялся, как подросток на первой школьной дискотеке: не знал, что говорить и что делать. И ненавидел себя за это.

Слушая тихий голос Алины, Матвей размышлял о своих перспективах. Она ему нравилась, но, как за ней ухаживать, он не знал. Пригласить ее на прогулку в парк? Угощать «Пепси» и мороженым? Смешно... Однако на другие развлечения денег не было. Взять их было неоткуда. Матвей знал, что

доходов родителей едва хватает на еду. Ну, еще на минимум одежды.

У него оставался один, почему-то целиком заполнивший мысли Матвея вопрос. Один факт не укладывался в картину, которую уже нарисовало его воображение.

– Алина, почему ты этот институт выбрала? – с непонятной для себя надеждой спросил Матвей.

Может быть, хотел, чтобы она всё это выдумала? И ее родители, и окружение – вовсе не такие уж состоятельные...

Она улыбнулась и ответила:

– Папа предлагал Финэк. Но здесь его знакомый работает. Я подумала, что будет легче. И поступить, и учиться.

Объяснение оказалось неожиданно простым и невзрачным, как асфальт у них под ногами.

Они дошли с Алиной до метро. Под предлогом, что ему нужно в магазин, Матвей задержался на улице. Конечно, у него был проездной. Но не хотелось, чтобы поездка на метро списалась просто так.

Алина ушла, но чувство неловкости осталось. Словно Матвей провожал ее абсолютно голым. И девушка легко разглядела все его изъяны и несовершенства, но из вежливости не подавала виду.

После разговора с Алиной Матвею сразу же захотелось иметь много денег. Чтобы хватило пригласить девушку в ресторан, и там, небрежно развалившись за столиком, рассказывать ей, как провел время в ночном клубе.

Именно тогда он решил найти какую-нибудь подработку. В начале двухтысячных годов это было непросто. После кризиса 1998 года работы не хватало даже квалифицированным специалистам.

А Матвей был студентом первого курса. Вообще ничего не умел. Не мог работать полный день – нужно было посещать институт. Студентов бесплатного отделения отчисляли из-за прогулов пятнадцати пар. Всего за неделю отсутствия без уважительной причины из института можно было вылететь с треском.

Мысли об отсутствии денег раздражали Матвея, как хронический насморк. Конечно, родители еженедельно выдавали ему небольшую сумму. Половина уходила на покупку любимых журналов, а остаток Матвей тратил на дешевые пирожки с капустой, которыми обедал в институте.

Однажды, когда он еще встречался с Олей, Матвей купил два билета в кино и пригласил ее. После этого он неделю не покупал журналов, а деньги на пирожки стрелял у однокурсников.

До разговора с Алиной Матвей не ощущал своей бедности так остро. Все его друзья и знакомые жили похоже. Покупка новой куртки была событием. Копченая кура на столе – роскошью. Подарки на праздники – расточительством.

Где-то он прочитал, что бедность – школа жизни. Но ему больше не хотелось быть в этой школе двоечником, незамеченным и ненужным, обитающим где-то на предпоследней

парте.

На следующий день Матвей купил несколько газет и начал звонить по объявлениям о работе. Выбор был невелик: официант, охранник, расклейщик объявлений.

В охранники он не годился. Спорт Матвей не любил с детства. Подтягивание было для него пыткой. Отжаться он мог всего несколько раз. А когда прыгал через козла, хохотал весь класс: Матвею никогда не удавалось перепрыгнуть правильно. И со второй, и с третьей попытки он завершал свой прыжок одинаково нелепо: сидящим на козле. Позже на очередной медкомиссии у него обнаружили плоскостопие и, к счастью, вообще освободили от неприятных уроков физкультуры.

К тому же миролюбивый характер и боязнь любого насилия не стали бы преимуществами при отборе в охрану. Эта работа требовала жесткости, смелости, наглости, крепких рук и хорошей физической формы, то есть всего того, чего Матвей был несправедливо лишен.

Перспектива стать расклейщиком не привлекала. Даже это название звучало ужасно. Матвею казалось, что шершавый суффикс «-щик» принижает название должности: уборщик, упаковщик, расклейщик... Не хотелось начинать трудовой путь в компании таких унылых персонажей.

Оставался официант. В его юношеской иерархии должностей официанты занимали довольно почетное место. Может быть, потому, что Матвей нечасто их видел.

До поступления в институт он бывал в ресторанах только на юбилеях родственников. В первые месяцы учебы Матвей дважды встречался с однокурсниками в недорогом баре. В первый раз – отмечали посвящение в студенты. Во второй – по какому-то надуманному поводу... Кажется, проводжали осень.

В баре они брали только пиво, орешки и чипсы. Матвей запомнил, как гордо и высокомерно разговаривал с ними официант. Как снисходительно смотрел он на каждого, кто заказывал. Как перебивал и нехотя отвечал на вопросы. Картина была такая, словно бедные родственники неожиданно пожаловали к богатой родне, которая кривится, хмурится, цедит слова сквозь зубы, но выгнать не решается. Как-никак всё-таки родственники...

И еще, тот официант был очень важным. Давал понять, что он большой человек. Тогда Матвей еще не знал, что пустые и недалекие люди используют грубость и хамство как увеличительное стекло, чтобы казаться окружающим крупнее и значительнее в несколько раз.

В общем, Матвей решил устроиться официантом. Начал обзванивать кафе и рестораны по объявлениям о наборе сотрудников. Он был уверен, что справится. Особенно если повезет работать в вечерние или ночные смены.

Самым сложным казалось умение управляться с подносом. Матвей помнил, как на юбилеях родственников официанты приносили подносы, в несколько слоев заставленные

тарелками. Нагромождение посуды казалось беспорядочным и хаотичным, однако блюда доставлялись целыми и неразрушенными. Он подумал, что дома нужно будет потренироваться.

Но везде были нужны официанты с опытом. Услышав про его отсутствие, на другом конце провода сразу же бросали трубку. Матвей ничего не успевал сказать ни про твердые намерения быстро обучаться, ни про готовность работать на совесть. После вопроса об опыте и его честного ответа «нет» Матвей слышал только короткие гудки.

Это была его первая попытка трудоустройства. Сделав примерно двадцать звонков, Матвей приуныл. Вакантный поднос владельцы ресторанов и кафе охраняли, словно чашу Грааля.

Еще мешали люди, которые громко негодовали ему в спину. Тогда у него не было мобильного телефона. Матвей звонил из телефонной будки и постоянно выслушивал недовольство ожидающих, что слишком долго занимает телефон-автомат.

Матвей стал ежедневно охотиться за газетами, в которых печатали объявления о работе. Покупал их рано утром и после окончания занятий бежал к ближайшему телефону-автомату.

На четвертый или пятый день Матвей неожиданно услышал в трубке вялое «ну, приходи, посмотрим». После такого количества отказов это зыбкое приглашение окрылило его.

Словно после многих проигрышей ему наконец-то раздали полную руку козырей.

Он бежал домой, радостно повторяя адрес кафе, который был продиктован ему так же вяло и незаинтересованно. Но Матвея это не расстраивало. Он уже видел себя в белой рубашке и черных брюках. Уже ощущал, как оттопыриваются карманы, набитые щедрыми чаевыми.

Родителям Матвей решил пока ничего не говорить. Они были бы однозначно против. Особенно мама. Подработку расценили бы как пренебрежение институтом. Появление собственных заработанных денег стало бы серьезной заявкой на досрочное взросление. Матвею казалось, что родители еще не были к этому готовы.

Кафе находилось на окраине города, недалеко от Кировского завода. Располагалось оно на цокольном этаже в обычном жилом доме. Невзрачная вывеска обозначала вход. Чтобы попасть внутрь, нужно было спуститься по неровным ступеням.

Волнуясь, Матвей вошел в кафе и оказался в сумеречном, накуренном и душном помещении. Посетителей не наблюдалось. Столы были накрыты красными скатертями. Багровые портьеры спускались с карнизов. Низкие сводчатые потолки мрачно нависали над головой. У Матвея появилось ощущение, что он находится в чем-то пустом желудке.

Рядом материализовался человек в белой рубашке. По блокноту в руке Матвей опознал официанта. Тот вопро-

сительно смотрел на него.

– По поводу работы, – сказал Матвей.

Официант молча исчез так же незаметно, как появился. Матвей ощутил легкую зависть. Этот человек был на своем месте. Уже имел работу и знал, как ее выполнять. Уже получал зарплату и мог ее тратить. Кстати, официанту из того бара они всё равно оставили чаевые, хотя Матвею и сокурсникам очень не понравилось обслуживание. Просто им не хотелось соглашаться с тем, что он подумал о них.

Невысокий плотный мужчина кавказской внешности молча поманил его рукой и сел за ближайший столик. Матвей подошел, догадавшись, что это и есть владелец заведения. Сесть мужчина не предложил, и Матвей остался стоять.

– Как зовут? – спросил мужчина почти без акцента, не здороваясь и не представляясь.

– Матвей.

– Где работал?

– Пока нигде. Учусь. Студент, – объяснил Матвей.

– Студент, – нахмурился мужчина. – Знаю. Были у меня студенты. Как экзамен, работать не могут. Зачем мне студенты? Мне надо, чтобы работали.

– Я могу работать, – тихо сказал Матвей.

Почему-то уже в начале разговора он совершенно забыл речь, которую долго репетировал. Матвей хотел рассказать, что готов много работать, убедить, что быстро учится, заставить поверить, что он – исполнительный и послушный, что

деньги ему нужны, чтобы продолжить учебу. Как когда-то Ломоносову...

Шутку про Ломоносова он оставил напоследок. Надеялся смягчить и рассмешить потенциального работодателя.

Мужчина тяжело и недобро смотрел на него. Матвей растерялся. Он понял, что не понравился владельцу, и хотел исправить впечатление. Но не мог заставить себя говорить. И молчал.

– С клиентами так же будешь разговаривать? – мрачно спросил мужчина.

– Нет, – тихо ответил Матвей.

Хотел что-то добавить и опять не смог. Для убедительности отрицательно помотал головой. Выдавливает из себя слова было сложнее, чем зубную пасту из пустого тюбика.

Матвей не понимал, почему, но ему было совсем не по себе и даже немного страшно. Его мучитель тоже молчал. Он словно увеличился, стал выше, массивнее и тяжелее, и давил Матвея своим молчаливым презрением.

– Ладно, телефон оставь, – сказал владелец и вздохнул.

Этот вздох словно сдул его до нормальных размеров. Матвей как будто заново увидел немолодого мужчину, сидевшего напротив. Губы его были плотно сжаты, но в глазах Матвей с удивлением заметил колючее веселье, как у человека, который готов рассказать скабрёзную шутку. Мужчина опять вздохнул, и Матвею показалось, что нелюбезный собеседник очень устал.

Тогда Матвей наконец заговорил. Быстро выложил подготовленную речь, даже зачем-то соврал, что его тетя была директором ресторана, он пару раз там подрабатывал, и небольшой опыт у него всё-таки есть.

Мужчина молча выслушал Матвея. Дополнительных вопросов не задавал. Достал из кармана лист бумаги, развернул его, и Матвей увидел, что одна сторона полностью занята каким-то списком. Мужчина перевернул лист. Список продолжался до середины, дальше было свободное место.

– Телефон оставь, – повторил он.

Матвей продиктовал. Мужчина записал имя и телефон внизу списка. Матвей догадался, что это был перечень кандидатов, которые приходили до него. И понял: шансов, что ему позвонят, не больше, чем найти в библиотечной книге сто долларов.

Ему действительно никто не позвонил. Матвей продолжал поиски упрямо, но безрезультатно. Никому не нужен был студент, который больше не хотел быть бедным.

Глава 3

Под воспоминания Матвей незаметно опустошил тарелку, но сытости не почувствовал. Может быть, оттого, что ел задумчиво и невнимательно. А может, потому, что суп опять не понравился. Сложно удовлетвориться тем, что не любишь.

Потом подумал, что неплохо бы выпить кофе. Но кофемашина сразу же потребовала залить воду и засыпать зерна, и Матвей передумал. В квартире было спокойно и тихо. Безразличие и сонливость охватили его. Захотелось лечь в постель, полежать и даже поспать.

Он не лег. Матвей хорошо знал: если обездвижиться, из темных уголков сознания приползут тревожные мысли. А перед глазами будет крутиться карусель сегодняшних событий, однообразно повторяясь с каждым оборотом.

Матвей пересилил сонливость и сел за ноутбук: решил разместить резюме, посмотреть подходящие вакансии и оценить ближайшие перспективы.

Однако и этого делать не стал. Подумал и отложил до завтра. Он вдруг почувствовал себя свободным. Свобода была короткой, словно пробел между словами. Но показалась длинной, как ожидание чего-то важного.

Матвей машинально открыл страницу поисковика. Потом почитал новости в попытке наполниться подробностями

чьих-то проблем, чтобы на время вытеснить собственные.

Не помогло. Матвей ощущал нарастающую тревогу. Где-то внутри него словно заработал тот самый магнитофон-двухкассетник, который ему подарили в детстве на день рождения. И кто-то невидимый включил воспроизведение обеих кассет одновременно. Первая проигрывала привычные будничные ритмы. Вторая тихо повторяла одни и те же неприятные слова. И у первой хотелось прибавить громкость, чтобы заглушить вторую.

Если бы Матвей уволился сам, его бы ничего не мучило. Хотя в обоих случаях результатом стало бы отсутствие работы. Не так уж редко оболочка бывает не менее важна, чем содержимое.

На Матвея накатило противное ощущение второсортности. Как-то на рынке продавец с неохотой демонстрировал ему битые и неровные томаты, пренебрежительно называя их «некондицией». А рядом громоздились упругие, лоснящиеся и сочные плоды. Крепкие. Яркие. Востребованные. И теперь Матвей ощущал себя в той неприглядной некондиционной кучке...

Время уже близилось к четырем часам вечера. Яна никогда не приходила раньше семи. Оставалось еще три свободных часа.

В новом статусе безработного ничего не делать было неудобно и даже немного стыдно. Матвей решил навести порядок в своих бумагах. И разобрать, наконец, два ящика

письменного стола, которые были забыты вроде бы нужной, но бессмысленной мелочью.

Кабинет, как его шутливо называли Матвей и Яна, находился на лоджии. У них была однокомнатная квартира, из которой получилось сделать четырехкомнатную в миниатюре. Ступенчатая перегородка делила комнату на гостиную и спальню. Глубокий встроенный шкаф-купе олицетворял гардеробную. Половину утепленной лоджии занимал письменный стол.

Гости с восторгом разглядывали сорок квадратных метров, на которых поместилось всё необходимое, и хвалили сообразительность хозяев.

«Нашли чему удивляться, – думал Матвей. – Нехватка денег открывает в людях и не такие таланты...»

Он решил начать со своего рабочего портфеля. За несколько лет во внутренних карманах и карманчиках скопилась куча ненужного хлама: старые визитки, исписанные авторучки, какие-то рекламные листовки, извещающие об огромных скидках и сохраненные «на всякий случай». Невостребованные и забытые, они давно превратились в мусор, потому что «всякий случай», как обычно, так и не случился.

Почти о каждом человеке в России написана книжка. Трудовая. Ее первой Матвей вытащил из портфеля.

Он нечасто держал в руках свою трудовую. На обложке почему-то был отпечатан герб СССР, хотя завели ему книж-

ку в 2005 году. К тому времени СССР уже четырнадцать лет как не существовал. Странно, что типографии, выпускающие трудовые книжки, до сих пор не изменили обложку. Матвей удивился. Раньше он почему-то не замечал этого.

Раскрыл ее. На первой странице гладким почерком отличницы было аккуратно выведено: «Туманов Матвей Аркадьевич»; строчки ниже уведомили, что родился он 01.02.1983 и образование получил высшее.

Читать трудовую книжку интереснее, чем детектив. Между скупыми «Принят» и «Уволен» всего пара строчек – и всегда столько событий.

Целая маленькая жизнь. Рождение нового сотрудника. Стремительное взросление. Перспективная молодость. И рутинная старость.

Конечно, бывает, что человек покидает компанию, так и не родившись как сотрудник. Или, наоборот, стареет, даже не повзрослев.

Со следующей страницы начиналось описание его сознательной трудовой жизни. Первая запись сообщала, что Матвей «Принят в ООО „СтройГипроПласт“ на должность продавца-консультанта».

Он хорошо помнил, как это было. После окончания института выяснилось, что диплом менеджера у работодателей совершенно не котируется. Позже оказалось, что большинство сокурсников столкнулись с аналогичной проблемой. Несколько пристроили родители. Остальные безуспешно

искали работу сами.

Матвей созванивался с однокурсниками. Их истории были одинаковыми, как конспекты институтских лекций. В первый месяц все рассылали резюме на лучшие вакансии. Отличники гордо прилагали выписку с отметками. Хорошисты делали упор на темы дипломных и курсовых работ. Трочечники надеялись на удачу и, по старой привычке, звали халяву. Однако та, наверное, была слишком занята тем, что помогала нерадивым студентам, и на зов не являлась.

Начало поиска можно было сравнить с точечными выстрелами. Они казались снайперскими, но получались холостыми. Следующий этап напоминал массовую бомбардировку. Куцые резюме отправлялись на любую более или менее подходящую вакансию.

Этот способ тоже результатов не давал. В итоге каждый устраивался как мог. Шли в мерчендайзеры и агенты по недвижимости. В бармены и промоутеры. Шли туда, куда брали. Амбиции заканчивались быстрее, чем вакансии на профильных сайтах.

Были и те, кому везло. С двумя из таких счастливицков Матвей тесно общался в институте. Виталика Крайнова взяли в фирму, которая импортировала что-то из Азии. Рома Кашников попал в компанию, организующую строительство дач.

Как-то вечером Матвей случайно встретил Кашникова в метро и стал расспрашивать, как у него дела. Рома жало-

вался на скуку, огромное количество бумаг и отсутствие перспектив. В нем чувствовалось разочарование археолога, который работает простым землекопом.

Сначала Матвей расстраивался, что получил ненужную специальность. Было обидно, что работодатели не замечают его, не предлагают наперебой лучшие условия, что за пять лет подготовки к будущей работе его не подготовили к самому главному: возможному отсутствию работы для новоиспеченного специалиста.

Однако потом успокоился. Ему пришла в голову мысль, что невостребованность – это отличный шанс. Зато теперь можно работать кем угодно. Матвей лишился бы выбора, если бы точно знал, кем хочет быть.

Но его никуда не брали. И даже не приглашали на собеседования. Октябрь заканчивался, надежды – тоже. Родители осторожно советовали начать с малого, поработать хоть где-то, чтобы набраться опыта. Матвей соглашался. Ему было уже всё равно. Хотелось как можно быстрее прыгнуть во взрослую жизнь.

Объявление о большом наборе сотрудников в строительный магазин он случайно увидел в газете, хотя уже давно не искал информацию в прессе. Со времен охоты за объявлениями на первом курсе поиск работы сильно упростился. Уже не нужно было названивать по телефону и торопливо рассказывать о себе чужим от волнения голосом. Несколько щелчков мышкой – и резюме мгновенно улетало адресату.

Однако и в новой системе были минусы. По телефону отказывали сразу. На резюме, отправленные по электронной почте, никто не отвечал. Иногда Матвею казалось, что его письма теряются в хитросплетениях проводов и микросхем.

Когда Матвей учился на втором курсе, родители купили ему компьютер. Он был старый и медленный. При загрузке издавал страдающие звуки. Самопроизвольно выключался. Зависал.

Неделю Матвей мучился. Каждое его действие вызывало в недрах агрегата скрипы и вздохи. Матвей бережно и осторожно пытался его расшевелить. Но через неделю всё же пришлось вызвать мастера для реанимации.

В соседнем дворе был маленький компьютерный магазин. Отец зашел туда с просьбой прислать кого-нибудь из сотрудников. Вечером к ним пришел молодой парень, лет двадцати. Удивился, откуда у них взялась эта древность.

Когда он разулся, запахло несвежими носками. Было невозможно не почувствовать запах. Парень понял это и начал разговаривать очень развязно. Упрекнул, что ему подсовывают всякий хлам. Намекнул, что за трудоемкость полагается доплата. Зачем-то рассказал про знакомого, который недавно купил последнюю модель Pentium.

Потом он нехотя разобрал системный блок и долго ковырялся в нем. Что-то прочищал, продувал, соединял и разъединял. Затем собрал его и запустил. Компьютер действительно загрузился быстрее и уже не так шумно. Матвей по-

щелкал мышкой. Сноровистее компьютер не стал, но хотя бы не зависал ежеминутно.

Мастер гордо посмотрел на него и попросил кофе. Мама Матвея ушла на кухню. Парень важно расположился на кресле и вытянул ноги. Эта маленькая победа, видимо, очень воодушевила его. Он деловито принял у мамы чашку и начал рассказывать про новые модели компьютеров. «Гигабайты», «жесткие диски», «операционные системы» – его слова были загадочны и весомы. Родители смотрели на него с уважением и благодарностью. И дурной запах, исходивший от носков мастера, был уже почти не ощутим.

Судьбоносное объявление Матвей увидел случайно. В тот день он, как обычно, просматривал свежие вакансии и щедрой рукой сеятеля разбрасывал резюме. Когда вакансии закончились, Матвей проверил электронную почту. Откликов там по-прежнему не наблюдалось.

Компьютер опять начал подтормаживать, и Матвей решил его перезагрузить. Ожидая завершения процесса, он взял лежащую на столе газету, видимо, оставленную отцом. И ему попало на глаза это объявление.

Оно было заключено в жирную рамку. Обещало стабильность и карьерный рост. Сулило перспективы и возможности.

Матвей заинтересовался.

В объявлении был указан номер телефона. Матвей позвонил и сразу же получил приглашение. Точнее, ему бы-

ло сказано приходиться в любое время: с девяти до пятнадцати часов. Женский голос, вежливо проинформировавший Матвея, звучал механически ровно. Он понял, что звонков по объявлению много. И желающих – наверняка достаточно. Но всё равно решил пойти.

На следующий день Матвей надел свои лучшие брюки. Мама выгладила ему белую рубашку. Перспективы и возможности нужно встречать хорошо одетым.

Офис, где проходил отбор, Матвей нашел быстро. Во-первых, он располагался на втором этаже того самого строительного магазина. Во-вторых, очередь из кандидатов была человек пятьдесят. Небольшой холл и коридор были заполнены людьми. В основном ровесниками Матвея, такими же вчерашними студентами. Многие кандидаты казались растерянными, как цыплята, недавно покинувшие инкубатор.

Перед собеседованием полагалось заполнить анкету. Пункты были стандартные: дата рождения, образование, семейное положение. Матвей долго думал, что написать про опыт работы. В итоге поставил тоскливый прочерк. Он получился длинным, как его безуспешные поиски.

Очередь в кабинет, где проводилось собеседование, двигалась неравномерно. Иногда кандидаты выходили уже через пару минут. Порой – задерживались надолго. От скуки Матвей начал подсчитывать, когда примерно подойдет его очередь. Получалось, что он войдет в кабинет часа через четыре.

Нескольким соискателям надоело ждать. Они ушли. Оче-

редь уменьшилась. Оставшиеся кандидаты уже казались хорошими знакомыми и вызывали у Матвея тихую симпатию.

Может быть, потом кого-нибудь из них он встретит в метро, трамвае или на улице. И будет мучиться вопросом: «Где я его видел?»

Девушка, за которой Матвей занимал очередь, вошла в кабинет. Матвей был следующим и уже ощущал где-то в области желудка привычный комок страха. Он еще не знал, нужна ли ему эта работа, сколько будут платить, но заранее боялся. Даже толком не понимая, чего именно.

Наконец, девушка вышла. Матвей крепче сжал в руке анкету и, чувствуя, что деревенеет, вошел в кабинет.

Он волновался. Ему показалось, кабинет был огромным. Прямо перед ним стоял стул. Напротив него – длинный стеклянный стол, за которым сидела молодая женщина. В кабинете она была одна.

– Присаживайтесь и дайте анкету, – довольно холодно сказала она.

Матвей отдал ей лист. Сел. Женщина положила анкету перед собой.

Просмотрела.

По ее неподвижному лицу Матвей понял, что она не увидела в анкете ничего интересного.

– Меня зовут Ольга Старовойтова, – так же прохладно представилась женщина. – Я директор по персоналу холдинга «СтройГипроПласт».

Она еще раз посмотрела в анкету и перевела взгляд на Матвея. Выглядела Ольга примерно лет на тридцать, была ухожена, но при этом вызывающе некрасива.

Он смотрел на ее худое с мелкими чертами лицо. У нее были редкие и жидкие волосы и неожиданно крупное тело, могучие плечи и мощные руки. Ее непропорциональное сложение было полностью лишено женственности. Обручального кольца на безымянном пальце не наблюдалось.

– Матвей, кандидатам без опыта мы можем предложить должность продавца-консультанта, – сообщила Ольга, оценивая его. – Вам это интересно?

– Интересно, – твердо ответил Матвей.

Он сам еще не знал, интересно ему это или неинтересно. Страх прошел. Волнение – тоже. Несмотря на ее суровый тон, Ольга казалась безопасной. Вызывала доверие. Она была некрасивой, и поэтому – своей. Товарищем по несчастью в мире красивых людей.

– А почему вы хотите работать в нашей компании? – неожиданно спросила Ольга.

На этот простой вопрос Матвей ответил не сразу. Повисла длинная пауза. Он думал, как объясниться. Ольга внимательно наблюдала за ним.

В самом деле, Матвей не знал, хочет ли он вообще здесь работать. Особенно продавцом, пусть даже и консультантом. Матвей понимал, что пора уже куда-то устраиваться. Но ему до последнего казалось, что удача всё еще ждет его, и они

вот-вот встретятся. И наверняка это произойдет в красивом офисе солидной компании.

Тут Матвей вспомнил про трехмесячный безрезультатный поиск работы и всё-таки решился.

– У вас крупная компания, – начал он. – Стабильная...

– В Санкт-Петербурге много стабильных и крупных компаний, – возразила Ольга. – И всё же, почему вы хотите работать именно у нас?

Она говорила заученно и ровно, как будто до Матвея ей точно так же отвечали сотни соискателей. Надо было срочно придумать что-нибудь оригинальное.

Но ничего не придумывалось. Вообще. Матвей не знал, что это за СтройГипроПласт. Совсем не разбирался в стройматериалах. Ни разу не был ни в одном их магазине.

– Работа нужна, – честно признался он. – Никуда не берут, говорят, опыта нет.

– Так-так, – нахмурилась Ольга, – то есть вам всё равно, где работать?

– Ну не совсем всё равно, – запротестовал Матвей. – Хотелось бы в крупную стабильную компанию. И с перспективой роста, – вспомнил он затертую фразу, которая присутствовала едва ли не в каждой просмотренной им вакансии.

Он посмотрел на Ольгу. Прозрачная линия стола делила ее пополам. Верхняя часть была монументально неинтересна. Нижняя, – облаченная в неожиданно короткую юбку и обтянутая светлыми колготками, вызывала желание отде-

лить ее от верхней. У директора по персоналу были круглые колени и аккуратные девичьи ноги.

Матвей старался смотреть поверх стола. Но внизу было интереснее.

– Ну так всё же, – Ольга хмурилась и постукивала карандашом по столу. – Почему вы решили прийти именно к нам?

– Мне понравилось объявление... Точнее, ммм... условия, – попытался объяснить Матвей. – У вас написано, что возможен карьерный рост...

– То есть вам нужна любая работа, где возможен карьерный рост? – немедленно спросила она.

Матвей понял, что Ольга явно пересмотрела американских детективов. И всё, сказанное им, может быть использовано против него же.

– Нет... То есть да, – Матвей запутался, в бессилии не зная, как отвечать правильно. – Мне нужна работа. Но не любая. Готов пока не по специальности. Но хотелось бы иметь перспективы.

Ольга смотрела на него. Не оценивающе. Бесстрастно. Наверное, так смотрит ученый-энтомолог на какое-нибудь обыкновенное насекомое. Например, на колорадского жука. Да, обычная особь *Leptinotarsa decemlineata*. Внешний вид и окрас – стандартные. Среда обитания и повадки – известны. Вред – гарантирован. Если, конечно, допустить до заботливо возделываемой грядки. А вот этого, судя по всему, Ольга делать не собиралась.

– Готов начать с малого, – повторил Матвей слова родителей. – Хочу работать.

– Ваше желание, конечно, важно, – сухо сообщила Ольга, – однако я так и не услышала, почему вы пришли именно к нам.

– Я же говорю, понравились... и объявление, и условия, – отчаянно повторил Матвей.

– Это я поняла; что-то еще? – спросила Ольга.

– Понравилась компания, – ответил Матвей.

– Прекрасно. И чем же? – не унималась директор по персоналу.

– Надежная. Известная. Стабильная, – с натугой выдал Матвей.

На столе зажужжал сотовый. Ольга скосила глаза на экран и быстро поднесла телефон к уху. По ее лицу Матвей понял, что звонок был очень важным.

– Да, Андрей Григорьевич, – совсем другим тоном, мягко и уважительно сказала Ольга.

– Да, у меня три кандидата на вакансию маркетолога; два – очень квалифицированные, если судить по резюме, у третьего – опыт небольшой, но в международной компании, поэтому решила рассмотреть и его; да, я помню, что срочно; они сегодня же будут у меня; да-да, все трое; о результатах сообщу незамедлительно; да, поняла... – торопливо говорила она.

Ее тон стал предупредительным и подобострастным. Мат-

вею показалось, что, если бы неведомый Андрей Григорьевич вошел сейчас в кабинет, Ольга вскочила бы с места и отдала честь. И, не отнимая руки от головы, стояла бы навывтяжку, рапортуя о текущем состоянии дел.

Лицо Ольги изменилось. Вместо уверенной и деловой маски бизнес-леди Матвей видел растерянную гримасу отличницы, которой угрожает тройка.

Разговаривая, Ольга кивала головой и ерзала на стуле. Ее крепко сжатые ноги, уже казавшиеся единым целым, вдруг распались. Сработал рефлекс, и сквозь прозрачную поверхность стола взгляд Матвея устремился в открывшиеся глубины. Мелькнувшее белье показалось светом в конце тоннеля, и он ощутил секундное удовлетворение. Всё-таки короткие юбки предназначены именно для того, чтобы под них заглядывали.

То, что Ольга закончила разговор, Матвей понял по ее ногам. Они захлопнулись резко, словно двери уходящего электропоезда. Матвей поднял глаза и увидел, что она покраснела. Он почувствовал, что и его лицо загорелось.

Ольга упорно смотрела в анкету, словно пыталась вспомнить, на каком месте прервалось собеседование.

– Что же всё-таки вас заинтересовало? – не глядя на него, невпопад спросила она.

– Вы, – неожиданно ответил Матвей.

И тут же смущенно пояснил:

– То есть ваш... профессионализм, ваш... – Матвей по-

крутил рукой в воздухе, стараясь подобрать определение. – Ваш... ваша требовательность, – объяснение получилось не очень, но ничего лучшего он придумать не успел.

Так же не глядя на него, Ольга что-то написала в анкете и отложила ее.

«Дошутился, – подумал Матвей, – могу быть свободен».

Он и сам не до конца понимал, почему у него это вырвалось. Ольга ему вовсе не нравилась. Матвея интересовали девушки помоложе. Привлекательные, стройные и миниатюрные. Ольга была значительно старше. К тому же крупная, несимпатичная и нескладная.

Может быть, Матвею просто стало ее жаль, поэтому захотелось сказать что-нибудь приятное. Невостребованность пряталась в глубине ее холодных глаз... Невостребованность опускала уголки ее накрашенных губ вниз. Невостребованность... Матвей хорошо знал, каково это.

– Сейчас спуститесь на первый этаж, найдете отдел сантехники. Спросите Альберта, заведующего. Дальнейшее он объяснит, – сказала Ольга.

– То есть вы меня берете? – удивился Матвей.

– Да, вы приняты. Можете идти. До свидания! – отчеканила Ольга.

Она посмотрела на Матвея. Ее взгляд был уверенным по-прежнему. Но ему показалось, что это была уже другая уверенность – не только в своих силах, но и в своих возможностях.

Отдел сантехники Матвей нашел не сразу. Сначала заблудился в закоулках отдела обоев. На стендах висели надрезанные полуразмотанные рулоны. Узоры на них казались загадочными, как письма на египетских папирусах.

Потом миновал глянцевоы холмы напольной плитки. Прошел мимо выставленных на продажу дверей. Они были закрыты, поэтому в каждую из них хотелось заглянуть.

Наконец, Матвей увидел большой зал. На входе гостеприимно распахнули дверцы несколько душевых кабин. Стало понятно, что он на месте.

Матвей огляделся.

К стенам прижимались высокие белые шкафы, стоявшие тесно в ряд. Посередине отдела было несколько витрин с водопроводными кранами. Левее радовало глаз нескромное обилие унитазов. За ними на возвышении стояли три большие угловые ванны. В отделе не было окон, и казалось, что весь свет исходит от них. В глубине зала располагалась большая стойка. За ней на полках размещались разнообразные сантехнические товары. Расслабленно свисали длинные блестящие шланги. Свернутая в клубок гофра, словно сытая змея, лежала у стойки.

За столом у входа в отдел, почти спрятавшись за компьютером, сидел парень. У него было слишком важное и сосредоточенное лицо. Таким оно бывает у человека, который хочет казаться занятым, если при этом совсем нечего делать.

Матвей поздоровался и сообщил, что ему нужен Альберт.

Парень быстро взглянул на Матвея, приподнял брови и опять спрятался за компьютером.

– Подойдет, – буркнул он откуда-то из-под монитора.

Матвей настроился ждать. Он думал о том, что его, наконец, приняли на первую настоящую работу. Впереди была новая жизнь и другие правила.

Минут через двадцать подбежал высокий молодой человек. Он был худым и подвижным. Что-то сказал парню за компьютером, и тот указал на Матвея.

Молодой человек подошел к Матвею и вопросительно посмотрел на него.

– Здравствуйте, вы Альберт? – спросил Матвей.

– Да, – быстро ответил тот и кивнул в знак приветствия.

– Меня к вам Ольга направила, – Матвей уже забыл ее фамилию, поэтому пояснил. – Директор по персоналу. Сказала, что я буду работать в вашем отделе. И вы мне все объясните.

Альберт улыбнулся и протянул руку. Несмотря на худобу, в нем ощущалась сила. Однако его рукопожатие было быстрым и не очень крепким, словно он проверил Матвея на прочность пока только предварительно.

– Работать будешь посменно, как все продавцы, – сообщил он Матвею. – График скользящий. Три дня по двенадцать часов, потом три выходных. Бывают замены, если заболел кто. Тогда вызываем вне графика.

– Приходи завтра с утра, – так же быстро продолжал его новый начальник, – к восьми. Будем обучать. С коллективом

познакомишься.

– Одеваться как? – спросил Матвей, невольно перенимая лихорадочный темп разговора.

– Цивильно. Строго, в общем, – пояснил Альберт, поймав его непонимающий взгляд.

– Так подойдет? – Матвей скосил глаза на свою одежду. Он надел лучшее, что у него было. А если бы Альберт сказал нет?..

Тот внимательно оглядел Матвея.

– Подойдет, – он вздохнул и махнул рукой. – Приходи так.

– Еще вопрос можно? – Матвей, наконец, решился спросить про финансовую составляющую.

– Давай-давай, – скороговоркой ответил Альберт и несколько раз кивнул для убедительности.

Матвей видел, что Альберту не терпится сорваться с места и убежать. Может, его ждали какие-то важные дела. Но Матвею хотелось знать, на что рассчитывать.

– Про зарплату мне не сказали, – откровенно поделился он, – сколько будет выходить?

Когда Альберт назвал оклад, Матвей про себя удивился, почему так мало. Потом Альберт озвучил полную сумму с премиями и надбавками. Матвей возликовал. Получалось неожиданно много.

Вечером Матвей гордо сообщил родителям:

– Взяли. Консультантом в строительный магазин.

Первую часть должности – «продавец» он деликатно

опустил. Родители считали себя интеллигентами. Они всю жизнь проработали в бюджетных учреждениях. Двадцать первый век мерили мерками двадцатого, с рыночной экономикой не пересекались, как параллельные прямые. В их сознании слово «продавец» имело неискоренимое значение «торгаш».

В половине восьмого утра Матвей уже стоял у проходной. Ноябрьский рассвет задерживался. В полутьме шевелились фигуры и тени. Это сотрудники магазина спешили на работу.

Его не пропускали. Охранник требовал пропуск, которого у Матвея еще не было. Он пытался объяснить, что пройдет в отдел и сразу же вернется, как положено, с пропуском. Бесплезно. Судя по безапелляционному тону охранника, он очень дорожил своей работой.

Оставалось только одно: поймать Альберта на входе в магазин, чтобы тот провел Матвея или помог получить пропуск.

Матвей вглядывался в темноту, разбавленную тусклым мерцанием наружных фонарей. Он со страхом думал, что если пропустит своего начальника, то неминуемо останется на улице и опоздает. В свой первый рабочий день.

Это уже казалось ему катастрофой. Потерей репутации. Падением в пропасть.

А люди всё шли и шли. По одному и группами. Были одеты в пальто, куртки и шапки. Индивидуальность каждого надежно скрывалась под толстым слоем синтетического шир-

потреба.

Матвей решил ориентироваться по росту, но эффект был такой же, как определять марку машины по свету фар. К тому же высокие и худые почему-то оказывались исключительно девушками.

Стирающиеся различия между полами были досадно неуместны. Два раза Матвей бросался к потенциальному Альберту и натыкался на опасливый и недоуменный женский взгляд.

Но всё же Матвей не пропустил Альберта. К счастью, его будущий руководитель был без шапки. Матвей поздоровался и объяснил проблему.

– Сейчас сделаем, – бодро сказал Альберт, махнул пропуском и проскочил мимо охранника.

Матвей остался на улице. Минут через десять парень, которого он накануне застал за компьютером, вышел, помахивая листком бумаги, и спросил у него:

– Туманов?

Матвей кивнул. Молодой человек ему не понравился еще вчера. Он был надутым, надменным и чересчур важным.

Парень отдал бумагу охраннику, и Матвею, наконец, выдали пропуск. Пока временный.

– Постоянный получишь через неделю, – предупредил охранник. – Фотографию принеси.

Матвей пообещал, и они вместе с парнем прошли в отдел. Тот так и не назвал себя. Его лицо было неподвижным. Он

шел медленно и размеренно, как человек, уже решивший серьезную задачу.

Так начались для Матвея рабочие дни. К нему прикрепили наставника, который должен был обучить Матвея всем сантехническим тайнам.

Наставника звали Андрей. На вид ему было лет двадцать семь – двадцать восемь. Он был из тех людей, обаяние которых обезоруживает, как улыбка младенца. Такому человеку сразу хочется сказать что-нибудь приятное.

Андрей часто улыбался и шутил. При этом всегда был собран и сосредоточен. Он был первым кандидатом на должность Альберта, которого, как потом рассказали Матвею, должны были вскоре повысить.

Несколько дней подряд Андрей водил Матвея по отделу, детально рассказывал про смесители, заставлял запоминать стандартные габариты ванн, учил понимать разницу между сантехническим фарфором и фаянсом.

Матвею нравилось его слушать. Предметы, предназначенные для бытовых малоинтересных функций, в мини-лекциях Андрея становились уважаемыми и почетными. Некоторые названия звучали непривычно. Например, слово «унитаз» менялось на деликатное «компакт». Извергающая воду часть смесителя, обозначаемая в просторечье «гусак», таинственно и волнующе именовалась «излив».

Всего в отделе работали семь человек, включая заведующего. По три консультанта в смену. Матвей был восьмым.

На испытательном сроке его смены были «плавающими». Матвей «плавал» то в одной группе сотрудников, то в другой. Он быстро со всеми перезнакомился.

Парня, который вынес Матвею разрешение для пропуска, звали Игорь. Фамилия у него была Светлов. Он был старше Матвея на год, но казался взрослее лет на десять. Высокомерие и гордость Игорь считал лучшей защитой от панибратства. Разговаривал всегда начальственным тоном. Не имея реальных полномочий, присваивал мнимые. В отсутствие Альберта настойчиво пытался руководить.

Почти всегда Игоря можно было застать за компьютером. Вообще, это было место руководителя отдела, но тот редко сидел за столом. Часто бывало так, что Матвей видел Альберта чем-то занятым в отделе, но через несколько минут, поднявшись этажом выше на маленький склад, где хранился самый ходовой товар, Матвей опять встречался с начальником, который уже сосредоточенно пересчитывал остатки.

Альберт был везде, где нужен, и отсутствовал там, где не требовался. Матвей не знал, что это – дар, интуиция или просто умение руководить.

Самой унылой и неинтересной считалась работа за стойкой, где размещалась инженерная сантехника: трубы, переходники, соединители и тому подобная расходная мелочь. В отделе эти товары презрительно называли «шалабухами». Как правило, работать за стойкой сплавляли Колю. У него была забавная фамилия – Петин.

Коля был совсем молодым парнем, но уже имел жену, ребенка и сопутствующий ворох бытовых проблем. Он был скромным, немногословным и безотказным. И незаметным. В отделе о Коле вспоминали лишь тогда, когда он исчезал на несколько дней, отпросившись по причине болезни ребенка. Вспоминали, потому что никому не хотелось возиться с грязными шалабухами. И никто, кроме Коли, не знал так детально все эти сантехнические потроха.

В процессе обучения Матвей несколько раз работал в паре с Колей. Тот терпеливо и подробно объяснял ему назначение каждой штуковины.

Их оказалось нереально много. Колины объяснения были неинтересны, как геометрические теоремы. Матвей никак не мог запомнить, чем отличаются фитинги от клапанов, постоянно путал резьбу сантехническую и обычную. Убедившись, что достойного преемника из Матвея не выйдет, его перестали ставить за стойку.

В те смены, когда Коля отдыхал, поработать за стойкой обычно соглашалась Настя Коржова. Это была крупная, рослая и сильная девушка. После Коли она лучше всех знала назначение каждой шалабухи.

С утра сотрудники рассредоточивались по отделу. Иногда Матвею казалось, что они выбирают место для засады, чтобы первыми напасть на мирных покупателей. В глубокий тыл отправлялись Коля или Настя. Шалабухи стоили недорого и долю в общем плане давали совсем небольшую.

На передовой, где располагались гидромассажные ванны, английские компакты и испанские умывальники, работать было героически почетно. Во-первых, одна успешная продажа могла обеспечить выполнение плана на несколько дней вперед. Во-вторых, покупатели были денежными и серьезными. Если и нападали сами, то без последующих катастрофических потерь.

Не то что за стойкой с шалабухами. Несмотря на глубокий тыл, ее атаквали яростно и беспощадно: строители с помятыми лицами и неразборчивыми списками, сантехники, требовавшие самые дешевые прокладки, замученные женщины, не понимавшие, что конкретно им нужно, потому что кто-то попросил их «это купить». Одержать победу над трудным противником помогало либо Колино терпение, либо Настино добродушие.

Витрины со смесителями и разнообразной душевой гарнитурой находились где-то посередине между тылом и передовой. Работать там было не так увлекательно, как рассказывать о свойствах акрила, поглаживая глянцевый бок дорогой гидромассажной ванны. Но и не так уныло, как демонстрировать какой-нибудь переходник три четверти или шаровый кран. А шалабухи действительно всегда были пыльными. Матвей, например, с детства не любил, когда у него грязные руки.

В свои смены за продажу смесителей отвечал Игорь. С утра он несколько раз важно проходил мимо витрин, за-

ложив руки за спину. Редким утренним покупателям Игорь внушительно говорил: «Если что-то выбрали – обращайтесь». Помочь с выбором он считал явно ниже своего достоинства.

Довольно быстро Игорь перемещался поближе к входу в отдел. Со скучающим видом отодвигал дверцы душевых кабин и через несколько минут оказывался сидящим за компьютером. Если, конечно, отсутствовал Альберт.

Занимая место руководителя отдела, Игорь преображался. Особенно когда рядом не было никого из посторонних. Покупатели, разумеется, не в счет.

Его движения становились плавными. Руку на компьютерную мышку он клал с таким видом, словно это был символ неоспоримой власти. Обозревал местность, откинув голову назад. Подпирал рукой подбородок и принимал позу стратегического мыслителя.

Когда к нему подходил Альберт или кто-нибудь из сотрудников соседних отделов, Игорь застывал, уставившись в монитор. Потом нехотя начинал выполнять какие-то действия. Порой даже вскакивал и подбегал к смесителям, стараясь при этом не попадаться на глаза покупателям, стоявшим у витрин.

Матвей не понимал, почему Игоря не увольняли. Пользы от него не было никакой. Похоже, Игорь и сам это знал, но продолжал упорно ничего не делать. Часто Альберт подзывал его к себе и, судя по его напрягшемуся лицу, делал

Игорю замечания.

Тот настойчиво и долго что-то объяснял Альберту, при этом лицо его становилось удивленным и недоумевающим. Выглядело это так, словно третьеклассник попал в детский сад, и его абсолютно серьезно заставляют рисовать палочки.

Среди сотрудников очень выделялась Мила Калинина. Это была стройная невысокая и симпатичная девушка. Ее уверенность в себе подкреплялась наличием хорошей фигуры, а также отсутствием в радиусе ста метров потенциальных соперниц с похожими данными.

Мила всегда работала в самом дорогом секторе отдела. Царственно улыбаясь, она рассказывала покупателям о комфорте использования качественного сантехнического оборудования. Морщилась, если слышала конкретные технические вопросы. Иногда Матвею казалось, что покупатели решают приобрести товар только из-за того, чтобы не отказывать ей.

Мила одевалась так, чтобы ни одна соблазнительная округлость ее тела не осталась незамеченной. Она носила очень обтягивающие вещи. Настолько тесные, что, казалось, сквозь ее одежду проступают даже родинки, которыми, кстати, Мила щедро была наделена.

Она выглядела упругой, словно сутками не покидала спортзала. Однако, как позже узнал Матвей, Мила совсем не занималась спортом. Она была ленивой, как жена миллионера.

Сначала Матвей подумал, что Мила ищет себе обеспеченного мужа. На покупателей-мужчин, выбирающих ванну или душевую кабину по цене, равной трем годовым зарплатам Матвея, она смотрела с интересом и уважением, была с ними милой и приветливой, помогала совершить покупку особенно заботливо и чутко.

Но, как выяснилось, Мила уже состояла в браке и даже имела ребенка. Хотя была буквально года на два старше Матвея.

Она не носила обручального кольца. Никогда не упоминала о семье в разговорах. Однажды ее муж заехал за ней вечером. Матвей как раз выходил из магазина, когда Мила садилась в машину. Водитель вышел и нагнулся, что-то рассматривая под колесами. Это был неприметный парень с простым лицом. Машина оказалась старой изношенной иномаркой.

Такой антураж совсем не подходил Миле. В сиянии акрила она была похожа на Снежную королеву, красивую и холодную. В этом неприглядном автомобиле Мила превращалась в обычную молодую женщину, отягощенную верностью и супружескими обязанностями. Тяжело казаться хотя бы принцессой, садясь не в карету, а в тыкву.

– Кто это заезжал за тобой вчера? – поинтересовался Матвей на следующий день.

– Муж, – равнодушно ответила Мила.

– Не знал, что ты замужем, – удивился Матвей. – И кольца нет.

– Его вообще не должно было быть, – ответила Мила и посмотрела на него с таким видом, что Матвей понял: встреча сперматозоида с яйцеклеткой, которая привела к созданию семьи, была случайной.

С первых дней Мила разговаривала с Матвеем снисходительно, как с ребенком. Наставляла его, рассказывая то, что он уже знал. Постоянно давала мелкие поручения, в основном что-нибудь принести, протереть или вымыть.

Матвей выполнял. Он хотел быть старательным и нужным. Его не волновала иерархия отдела. Матвей с готовностью делал всё, что ему говорили.

Но быстро вмешался Альберт. Однажды он разговаривал с Милой, когда Матвей был неподалеку. По нескольким словам, которые донеслись до Матвея, он понял, что Мила просто скидывала на него свою работу.

После этого она прекратила давать Матвею поручения, но разговаривала с ним всё так же снисходительно, иногда с какой-то особенной, вежливой и едва уловимой издевкой.

По завершении обучения Матвея часто отправляли консультировать покупателей по смесителям. Мало-помалу эта часть отдела закрепилась за ним.

Матвей научился разбираться в моделях и марках. Мог рассказать, как устроен каждый из выставленных экземпляров. У него даже появились любимчики среди них – те, что продавались особенно быстро и легко.

Все смесители были привинчены к вертикальным витри-

нам. Матвеем нравилось смотреть на это хромированное великолепие. В начале каждой смены Матвей натирал смесители сухой тряпкой до блеска. Так полагалось по инструкции для подготовки товара. Когда утром он входил в отдел, его подопечные словно узнавали Матвея. Смесители для ванны требовательно протягивали длинные изливы к его рукам. Краны для умывальников приветливо изгибались. Кухонные смесители дружелюбно поворачивали изогнутые шеи.

В те смены, когда Мила отдыхала, ее место занимала Лена Лобок. Это была ее настоящая фамилия и ежедневная причина поупражняться в остроумии, разумеется, только для мужской части коллектива.

Однажды, еще стажирясь под руководством Андрея, Матвей отпросился у него передохнуть. Просто посидеть.

В отделе было всего два стула. Один – Альберта. Второй – чтобы предложить покупателям, если вдруг кто-то пожалуется на усталость. Продавцам-консультантам сидеть не полагалось. Они должны были стоять, ходить или летать. К концу смены ноги Матвея жили, казалось, отдельной жизнью и становились почти неуправляемыми. Порой желание посидеть было настолько сильным, что он отпрашивался в туалет и малодушно отсиживался на унитазах. Но Матвей не наглед и позволял себе отдых не дольше легкой диареи.

Этот способ передохнуть он начал использовать чуть позже. Сначала Матвей честно отпрашивался посидеть, буквально на несколько минут. К концу дня с непривычки по-

стоянно находиться на ногах он чувствовал себя словно приколоченным к полу.

Когда Матвей подошел к столу, у которого стояли два заветных стула, он увидел, что оба заняты. Первый, как всегда, Игорем. На втором лежала женская одежда – кофта или что-то вроде того.

– Чьи это вещи? – спросил он у Игоря.

– Лобковые, – нехотя ответил тот, продолжая сосредоточенно выводить курсором на экране какие-то замысловатые фигуры.

Матвей подумал, что Игорь шутит, и на его светловском сленге это означает что-то вроде «ничьи» или «ненужные» вещи.

– В смысле? – всё же решил уточнить Матвей.

Видимо, Игорь понял, что Матвей не в теме.

– Ленки Лобок вещи, – вяло пояснил он. – Не знаком еще?

– Нет.

– Вон... подползает, – Игорь кивнул головой в сторону входа в отдел.

К ним подошла девушка невысокого роста, полноватая и коротконогая, с неожиданно большой грудью. У нее были пышные волосы и наивное лицо старшеклассницы. Она выглядела бы довольно привлекательной, даже несмотря на пухловатость и небольшой рост, но ее портил нос.

За него, как за крючок, сразу же цеплялся взгляд. Длинный и острый, нос был вырезан явно для какой-нибудь

склочницы, но по ошибке достался доброму и бесхитроственному лицу Лены Лобок. В принципе, для женщины не такая уж плохая фамилия. И даже вполне органичная. Вот ее отцу наверняка приходилось несладко.

– Привет! Ты Матвей? – улыбаясь, задала она типично женский вопрос. – Альберт про тебя рассказывал.

– Хорошее или плохое? – поспешил уточнить Матвей.

– Хорошее. Говорил, что старательный, – успокоила Лена.

И продолжила:

– Старательные нам нужны. А то не справляемся. Постоянно людей не хватает.

– Что-то ты сама мало стараешься, – проворчал Игорь. – Где продажи? Давно волшебного пендала не получала.

Лена потянула Матвея за рукав. Так непосредственно, словно они были знакомы много лет.

– Пойдем... Пойдем отсюда, – затараторила она. – Игорь у нас всегда такой бука.

Они отошли. Лена живо и с удовольствием расспросила, как Матвей попал к ним в отдел, где учился, чем занимается, как она выразилась, «по жизни». Матвей сначала не понял. Оказалось, Лена имела в виду хобби, которого у него никогда не было. Ну, разве что книги Матвей любил читать с детства. Но какое же это хобби. Это так же естественно, как есть или дышать.

Лена рассказала, что в свои смены работает «на ваннах», в отделе уже больше двух лет, увлекается скалолазанием

и даже входит в какую-то сборную группу – то ли района, то ли области. И периодически они лезят на всякие близлежащие возвышенности. Для тренировки.

Лена рассказывала сумбурно, перескакивая с темы на тему, словно прыгала по льдинам на вскрывшейся реке. Чувствовалось, что ей не хватает общения и она очень любит поговорить.

В столовой мужчины часто предлагали угостить Лену бананом. Она посмеивалась, но не соглашалась. Матвей не понимал, в чем дело, пока однажды не увидел, как Лена ест банан. Через несколько дней эта сцена повторилась, потом еще и еще, и каждый раз Матвей с трудом преодолевал желание купить Лене целую связку бананов.

Лена ела банан так, что у окружающих мужчин, несомненно, пропадал аппетит. Невозможно было оставаться равнодушным, глядя на то, что вытворяли ее губы, то вбирающие, то отпускающие белую плотную сердцевину. Словно подрачивая, ее язык плавно скользил по увлажнившейся поверхности очищенного банана. Парни, сидевшие за соседними столами, когда видели данное действие, словно по команде, переставали жевать. Мужские глаза смотрели в одну точку. Наверное, все думали о том, что вот-вот над бананом торжествующе и победно взвьется белая струйка.

Но этого, конечно, не происходило. Лена доедала банан. И только вялая кожура напоминала о неотвратимости завершения, о том, что слабость – неизбежная расплата за вре-

МЕННУЮ МОЩЬ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.